

ХЕЛЕН ГАРД

ЛЮКСОРА

УКРАДЕННЫЕ
ИМЕНА

Хелен Гард

Люксора. Украденные имена

«Автор»

2026

Гард Х.

Люксора. Украденные имена / Х. Гард — «Автор», 2026

Каэль-Мор привык выполнять приказы. Правитель, которому он служит с детства, когда-то спас ему жизнь. Теперь долг нужно вернуть: найти ребёнка, чьё рождение нарушило порядок четырёх миров. Девочку зовут Люксора. Каэль должен доставить её тому, кто послал его на поиски. Но чем ближе он к цели, тем меньше понимает, что случится с ребёнком после возвращения. А затем его собственная мать... Кто-то умеет стирать человека из памяти близких. Каэль уже помогал этому порядку работать — и теперь должен найти тех, кого сам привык считать врагами. Чтобы спасти Люксору, ему придётся предать человека, которому он обязан жизнью. Только сначала нужно понять, кому ещё можно доверить её имя.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хелен Гард

Люксора. Украденные имена

Глава первая

Человек с правом входа

Перед Каэль-Мором стояли семеро. Пока он снимал перчатку, все семеро отошли к стене. Женщина с плоским свёртком прижала его к груди. Мужчина возле неё хотел что-то сказать дежурному, но посмотрел на Каэля и закрыл рот. Только старик в конце очереди продолжал копать за пазухой, не замечая, что теперь стоит один посреди прохода. Женщина потянула его за рукав.

Каэль положил ладонь на пластину у двери. Под кожей отозвался короткий холодок; в прозрачной толще проявился знак допуска.

Дежурный поднялся так быстро, что задел коленом стол.

— Вас ждут.

Каэль убрал руку. Дверь уже открывалась.

— Где переписчик?

— В нижнем архиве. Второй поворот, последняя комната. Мы его оттуда не выпускали. На дежурном были новые нагрудные пластины, ещё без царапин. Сапоги под ними остались старые. У правого отошла подошва, и страж, встав, сразу перенёс вес на другую ногу.

— Обыскали?

— Нож для бумаги, два пера. Всё на столе у старшего.

— Посетители были?

— Нет.

Каэль прошёл внутрь. Дежурный двинулся следом, но он остановил его жестом.

За спиной женщина осторожно спросила:

— Теперь можно передать?

— Ждите, — ответил страж.

Дверь закрылась раньше, чем Каэль услышал продолжение.

В нижнем архиве пахло клеем и сырой тканью. По утрам пол здесь мыли, не дожидаясь, пока просохнут стены, и вдоль плинтусов оставались тёмные полосы. Световые жилы шли под самым потолком. У первого поворота одна была заделана белой мастикой; вокруг неё камень успел пожелтеть.

Каэль знал эту дорогу. Левый проход вёл к помещениям писцов, правый — к приёмным камерам. Между ними, за толстой стеной, находилась лестница в верхние залы. Если задержанный начинал сопротивляться, у поворота его удобно было остановить: дальше коридор сужался и двоим рядом уже не пройти.

Сегодня из последней комнаты доносился скрип пера.

Каэль толкнул дверь.

За столом сидел невысокий мужчина в сером служебном халате. Воротник врезался ему в шею. Перед ним лежали три раскрытые книги, чашка с тёмным ободком и полоска бумаги, прижатая локтем. Рем поднял голову, скользнул взглядом по лицу вошедшего и сразу встал.

Перо осталось у него в руке.

— Я только сумму подведу.

Каэль посмотрел на лист.

— Положи.

Рем опустил перо рядом с чернильницей. Потом подвинул его дальше от края, чтобы не скатилось.

— Рем, переписчик третьего разряда?

— Да.

Каэль развернул распоряжение. Красная нить, которой оно было перевязано, зацепилась за застёжку перчатки.

— Самовольное изменение сведений о расходе силы. Изготовление ложных копий. Соккрытие исходных записей.

Рем смотрел на нить.

— Исходные записи здесь.

— Ты задержан до решения трибунала.

— Я понял. Но они здесь. Я их не прятал.

Каэль убрал распоряжение за пояс.

Комнату уже обыскали. На полу под стеллажом лежал вынутый ящик; тряпичные мешочки с песком для просушки письма высыпались из него и мешали закрыть дверь. На столешнице светлел прямоугольник — прежде там стояло что-то, что забрали вместе с ножом и запасными перьями. Окно было узким, с запаянной створкой. В него не пролез бы ребёнок.

Рем следил за его взглядом.

— Пресс для переплётов, — сказал он. — Чугунный. Унесли.

Каэль ничего не ответил.

— Можно халат сменить?

— Нет.

Рем дотронулся до воротника, словно только сейчас почувствовал, как тот давит.

— Тогда возьмите книги.

Каэль подошёл к столу. В ближайшей книге были длинные колонки цифр, разделённые тонкими линиями. Несколько строк помечены сбоку. На одной странице лежал свежий лист — аккуратный, с ровными полями и печатью распорядительной палаты.

— Что это?

— Ведомость нижних ярусов. За прошлую неделю.

— А книга?

— Семилетней давности.

Каэль перелистнул несколько страниц. Бумага потемнела у обреза, на сгибах были следы старых починок. В верхнем углу разворота он заметил потёртость. На этом месте что-то соскоблили и написали поверх.

— Здесь стоит текущий год.

Рем придвинулся, но Каэль поднял глаза, и тот остановился.

— Посмотрите следующую страницу, — сказал переписчик. — И предыдущую.

На соседних листах год был старый. Каэль вернулся к потёртому месту. Под свежими цифрами сохранился нижний завиток прежней записи.

— Твоя рука?

— Весь текст мой. Я тогда уже здесь работал. Исправление — нет.

— Кто имел доступ?

— Книгу забирали в палату. На сверку. Позавчера вернули.

Он говорил быстро, но теперь, добравшись до знакомого порядка действий, немного выровнял дыхание.

— Я должен был сделать чистовую копию. Увидел год, сверился с соседними листами. Сказал старшему. Он велел переписать как есть.

— И ты не переписал.

— Переписал. Вот.

Рем указал на свежий лист с печатью.

— Тогда в чём дело?

Мужчина сглотнул. На сухой нижней губе выступила кровь.

— Я приложил старую ведомость. Чтобы было видно, откуда взялись цифры.

Каэль прочёл заголовок. Подача в лечебное крыло, подача в жилые переходы, возврат. В конце каждого столбца стояла итоговая сумма. Под ней — ещё одна, меньшая.

— Здесь сорок две, — сказал он, касаясь верхней строки. — Здесь тридцать одна.

— Сорок две направили. Тридцать одну приняли.

— Разницу списывают на переход.

— Раньше списывали две.

Каэль поднял глаза.

Рем потёр ладони о халат. Чернила на пальцах засохли и не стирались.

— Я не знаю, куда уходит остальное. Я считаю то, что мне приносят. Но если поставить на старой записи новый год, получится, что раньше такого не было.

В распоряжении у Каэля не говорилось о подмене даты в архивной книге. Только о ложных копиях, изготовленных переписчиком. Он снова посмотрел на печать палаты. Оттиск был цел, ни одна линия не перебита. Распоряжение о задержании тоже настоящее.

Рем ждал.

Каэль закрыл книгу.

— На разбирательстве объяснишь.

— Там будет эта книга?

— Если потребуется.

— Возьмите её сейчас.

В голосе переписчика впервые прозвучало что-то, кроме испуга. Каэль выпрямился.

Рем сразу отступил от стола.

— Прошу вас. Мне потом её не дадут. Скажут, не та ведомость, не тот срок. А я ведь даже номера наизусть не помню. Здесь сотни страниц.

Каэль мог оставить всё до прихода архивного служителя. Обычно так и делал: человека передавали стражникам, бумаги собирали отдельно. Меньше путаницы в приёмной, меньше лишних подписей.

Он взял книгу. Свежая копия осталась зажата между страницами.

— Остальное не трогай.

Рем кивнул несколько раз подряд.

У двери Каэль проверил его рукава, пояс и карманы. Нашёл сложенный платок, короткий огрызок карандаша и три зерна сухой пряности в бумажном кулёчке. Задержанный послушно держал руки в стороны.

— Это от запаха, — сказал он, когда Каэль развернул кулёчек. — После клея весь день во рту...

Каэль сложил бумагу и вернул в карман. Карандаш забрал.

Рем оглянулся на стол.

— Чернильницу можно закрыть? Засохнет.

Каэль посторонился.

Мужчина подошёл, вставил пробку, прижал её большим пальцем. Книги, оставшиеся на столе, прикрыл чистой тканью. Потом вернулся к двери.

— Готов.

Они вышли.

В коридоре Каэль отвёл его от прохода к наружной лестнице.

— Направо.

Рем повернул.

До приёмных камер было два пролёта вниз. На первой площадке переписчик оступился. Каэль взял его за локоть, дождался, пока тот выровняется, и отпустил.

— Я могу сам.

— Смотри под ноги.

На следующем повороте висело узкое зеркало, позволявшее стражникам видеть оба конца лестницы. Рем заметил в нём лицо Каэля и задержал взгляд. Каэль видел это часто: сначала на него смотрели целиком, потом старались понять, действительно ли глаза разные. После обычно отводили взгляд.

Рем посмотрел ниже.

Край плаща разошёлся, открывая рукоять изогнутого кинжала. Камень в намершии оставался тёмным даже под световой жилой. Мужчина замедлил шаг.

— Старый, — произнёс он.

Каэль остановился.

— Что?

— Кинжал. Я видел рисунок.

— Где?

— В описи. Мы переносили старые записи о работах на переходах. Там был такой же камень. И рукоять...

Он сделал движение рукой, собираясь показать, но опустил её.

— Когда переносили?

— Давно. Несколько лет. Я могу найти номер, если посмотреть в указателе.

Каэль поправил плащ. Не стоило позволять задержанному выбирать тему разговора. Одни пытались вызвать жалость, другие торопились сообщить что-нибудь полезное. Рем, похоже, выбрал второе.

— Иди.

Переписчик послушался. Они спустились ещё на несколько ступеней.

— Вам разрешено читать старые описи? — спросил он.

— Говорить будешь в приёмной.

— Я просто подумал: вы с таким оружием...

— Я сказал, иди.

Рем умолк.

Каэль смотрел ему в затылок. Седые волосы были подстрижены неровно; над воротником осталась длинная прядь. Шея между тканью и волосами казалась слишком тонкой для человека, который только что решил расспрашивать его о допусках.

К старым описям Каэль никогда не обращался. В них не было нужды. Для каждого поручения выдавали сведения, а если их не хватало, он спрашивал Крайяна. Обычно хватало.

Внизу было теплее. Здесь проходил главный канал, и от стены тянуло сухим жаром. Возле решётки сидели двое конвойных. Один придерживал между колен чашку, второй пытался вытащить застрявшую застёжку из ремня.

Увидев Каэля, они поднялись. Чашка опрокинулась; по скамье растеклось что-то молочное.

— Открывай, — сказал Каэль.

Первый страж приложил знак к замку. Второй поспешно отстегнул от пояса связку удерживающих колец.

— Не нужно. Он идёт сам.

Рем всё равно посмотрел на кольца.

За решёткой начинался коридор ожидания. По одной стороне стояли двери камер, по другой — скамьи, привинченные к стене. На ближайшей сидел человек без обуви. Правый

рукав был подвёрнут над запястьем. Человек натягивал его левой рукой, пряча обрубок. Услышав шаги, поднял голову.

Каэль успел увидеть его лицо до того, как тот отвернулся.

Нэр.

Имя вспомнилось не сразу. Сначала — низкая комната, вода возле ножки стула, чей-то голос, требующий повторить вопрос. Каэль переложил книгу в другую руку. Теперь она оказалась между ним и скамьёй.

Рем задел его локтем.

— Иди, — сказал Каэль, хотя переписчик и не останавливался.

Из-за другой двери донёсся кашель. Где-то ругались вполголоса; при их приближении перестали. Только человек на дальней скамье продолжал раскачиваться, глядя себе под ноги. Он либо не заметил Каэля, либо не знал, кто тот такой.

В приёмной было тесно. За высоким столом сидел писец, справа от него стояли шкафы с пронумерованными ячейками. Перед столом белела черта. Рем остановился за шаг до неё, хотя никто не сказал ему, где встать.

Каэль положил распоряжение и архивную книгу на стойку.

Писец прочёл печать, затем быстро глянул на задержанного.

— Рем, третий разряд?

— Да.

— Личные вещи.

Рем начал выворачивать карманы.

— Проверены, — сказал Каэль.

Писец остановил его движением пера.

— Оставьте. Подойдёте потом.

Он открыл журнал приёма.

— Повреждения?

— Нет.

— Сопротивление?

— Нет.

— Изъятие?

Каэль положил рядом карандаш.

— Книга. Внутри лист с печатью палаты.

Писец развернул ведомость. Посмотрел на потёртый угол, пролистнул к началу и нашёл номер.

— Приложение к обвинению, — сказал он, записывая.

— Нет, — вмешался Рем. — Это для сверки.

Перо остановилось.

— Что?

— По ней нужно проверить дату. Там переправлен год.

Писец посмотрел на Каэля.

— Самовольное изменение записей, — прочёл он из распоряжения. — Правильно. Приложение.

— Я не менял год.

Каэль сдвинул книгу ближе к писцу.

— Занеси номер полностью.

— Заношу.

— И лист. Отдельно.

Писец дописал строку. Рем смотрел, как движется его рука.

На полях журнала оставалось место для замечаний доставившего. Каэль мог вписать, что дата не совпадает с соседними страницами. Это означало бы дополнительный опрос: где обнаружил, кто присутствовал, почему счёл исправление существенным. Возможно, вызов в трибунал.

Он уже принёс книгу. Номер был записан. Тот, кому поручат разбирательство, сумеет перевернуть страницу.

Каэль взял перо.

Рем шагнул к белой черте.

— Вы ведь видели.

— Я передал её.

— Но вы видели, что там другой...

— Стойте за линией, — сказал писец.

Рем посмотрел вниз, будто черта появилась только сейчас.

Каэль поставил знак принятия. Чернила чуть расплылись на дешёвой бумаге. Он прижал к ним песок, стряхнул излишек в лоток и вернул перо.

С этого мгновения задержанный числился доставленным без повреждений. Книга и чистовая ведомость — принятыми при нём. Его часть работы была выполнена.

Писец потянулся к сигнальному шнуру, но не успел дёрнуть.

Свет погас.

Каэль перехватил Рема за плечо и отодвинул от стола. Свободная рука уже лежала на рукояти кинжала. В коридоре упала чашка. Кто-то резко вдохнул совсем рядом.

Сердце ударило раз.

Он ждал, что сейчас включатся жилы у пола. Они были проведены отдельно от верхних и не должны были гаснуть вместе с ними.

Второй удар.

Под пальцами дёрнулось плечо Рема. Тот стоял неподвижно, но дрожал так сильно, что Каэль чувствовал это через ткань.

На третий свет вернулся.

Писец сидел, прижав руки к груди. На столе лежал опрокинутый лоток с песком. Дверь в коридор была открыта; за ней один из конвойных держал обнажённый клинок, не зная, в какую сторону повернуться.

— Убери, — сказал Каэль.

Страж посмотрел на него, затем на меч и опустил руку.

Каэль отпустил Рема. На сером рукаве осталось пять смятых складок.

— Канал? — спросил писец.

Каэль подошёл к стене. Под прозрачным камнем снова текла голубая полоса, но теперь она двигалась неровно: утолщалась, сужалась и на миг почти исчезала.

Потом через неё прошёл другой свет.

Он поднялся снизу, заполнил жилу целиком и выбелил стену так, что проступили старые швы кладки, обычно скрытые под сиянием. Каэль прищурился. На мгновение стало видно всё: песок на столе, тонкие волосы на щеке переписчика, трещину в пуговице писцового халата.

Кристалл под одеждой нагрелся.

Каэль вынул его за цепочку. Камень лежал на ладони тёплый, как чашка, которую только что наполнили. Внутри, глубже привычного слабого свечения, дрожала крошечная светлая точка.

Он накрыл кристалл пальцами.

Издалека донёсся низкий звук. Он прошёл по стенам, отозвался под подошвами и затих. В коридоре кто-то позвал стражу. Ему ответили сразу из нескольких мест.

Рем смотрел на стену.

— Так уже было? — спросил Каэль.

Переписчик покачал головой.

— Каналы слабеют. Иногда внизу темнеет на вдох. Но чтобы всё...

Он перевёл взгляд на книгу.

Писец захлопнул её и встал.

— Отойти от стены. Оба.

Каэль посмотрел на него.

— Простите. Я не...

В дверях появился старший страж. Пряжка на его поясе была расстёгнута; на ходу он пытался попасть язычком в отверстие.

— Выходы закрывают. Всем оставаться на местах.

— Чей приказ?

— Из верхнего караула. Никого к Аллее Четырёх Порогов. Ни служителей, ни смену. Допуски до нового распоряжения...

Он заметил Каэля и сбился.

— Вас это тоже касается?

— Узнай.

Страж ушёл почти бегом.

Каэль спрятал кристалл под рубаху. Тепло держалось возле груди, мешая сосредоточиться на голосах. Камень прежде отзывался на приказы, на проверку допуска, иногда — на близость сильных защитных линий. Сейчас никто ничего от него не требовал.

В приёмную принесли узкую пластину с проступающими буквами. Писец вытер о халат влажные пальцы, принял её и прочёл дважды.

— Каэль-Мор. В верхний зал. Немедленно.

— Кто вызывает?

Писец повернул пластину.

Под текстом стоял личный знак Крайяна.

Каэль направился к двери.

— Доставивший должен дожидаться размещения, — начал писец, но уже без прежней уверенности.

— Подпись есть.

— Нужен ещё отчёт.

Каэль забрал со стола своё распоряжение и оставил писцу вызов.

Рем шагнул вперёд. На этот раз пересёк черту, и никто не остановил его.

— Возьмите книгу с собой.

— Она принята.

— Вы к нему идёте?

Каэль посмотрел на задержанного.

Тот был бледен. На нижней губе засохла маленькая тёмная полоска. Он продолжал стоять за пределами положенного места, обеими руками держась за край халата.

— Если будете говорить о каналах, — сказал он, — там есть за каждый год. В книге. Просто...

Конвойный взял его под локоть.

Каэль вышел, не дожидаясь, пока Рем закончит.

В коридоре стражники пересчитывали заключённых. Нэр по-прежнему сидел на скамье; когда Каэль прошёл мимо, подобрал ноги. У опрокинутой чашки кто-то уже положил тряпку, и белая жидкость медленно впитывалась в неё.

По лестнице навстречу спускались служители с запасными пластинами. Один нёс длинный футляр, прижав к щеке, чтобы не задевать стены. При виде Каэля они стали пятиться на площадку.

— Проходите, — сказал он.

Двое замерли. Третий первым понял и протиснулся мимо. Остальные последовали за ним, цепляя футлярами перила.

Каэль поднялся ещё на пролёт и оказался возле своей комнаты. Отсюда можно было срезать путь к верхней лестнице через служебную галерею.

Дверь комнаты осталась приоткрытой: утром он торопился и не притворил её до конца. Через щель была видна койка с ровно натянутым покрывалом, угол стола и чаша с водой, которой он умывался. Больше там смотреть было не на что. Он толкнул дверь пальцами, услышал щелчок замка и пошёл дальше.

У входа в верхнюю галерею стояли два караульных. Оба держали копья поперёк прохода.

Каэль показал знак допуска.

Правый страж убрал оружие. Левый посмотрел на дверь и последовал его примеру.

Каэль приложил ладонь к пластине.

Холодок прошёл под кожей. В камне проявилось его имя, ниже — служебный знак. Обычно после этого створки сразу уходили в стену.

Дверь осталась закрытой.

Он выждал и приложил ладонь ещё раз.

— Меня вызвал Крайян.

Караульный посмотрел на светящийся знак.

— После сбоя заперлись все верхние проходы. Мы тоже открыть не можем.

— Свяжись с верхним караулом. Передай, что я здесь.

Страж потянулся к пластине у стены. Прежде чем он успел коснуться её, за дверью щёлкнул запор.

Обе створки разошлись.

Крайян стоял по другую сторону.

Каэль убрал руку с пластины. За все годы службы Крайян ни разу не выходил его встречать.

Глава вторая

Женщина перед Советом

За час до того, как Каэль-Мор поднялся в верхнюю галерею, Энарис пытался снять с пальца ученический напёрсток.

Взял не свой, впопыхах. Серебряный ободок застрял на суставе, и чем сильнее он тянул, тем заметнее распухал палец. Пришлось оставить. В зале уже ждали.

Перед дверью он проверил футляр: игла, две контрольные пластины, чистая ткань. Всё на месте. Только сейчас заметил, что пришёл в рабочей мантии. На левом рукаве белела капля закрепителя.

— Хранитель Энарис, — объявил служитель.

Пятеро за столом повернулись к нему. Место председателя оставалось пустым.

Женщина стояла отдельно, возле низкой ограды для свидетелей. Двое стражников — по сторонам, слишком близко для человека без оружия. Длинные светлые волосы выбились из косы и прилипли к щеке. Одной рукой она держала другую за запястье.

Энарис остановился.

— Мира?

Она подняла голову. Глаза остались прежними: зелёные, с тёмным ободком вокруг радужки. Всё остальное словно осунулось за несколько часов. Под нижней губой была ссадина, у виска — свежая припухлость.

— Здравствуй.

Они не виделись больше года. Последний раз Мира приносила ему коробку неверно нанесённых оттисков. Ругалась на нового заведующего, который велел сортировать их по цвету свечения. Энарис тогда смеялся: почти все оттиски были голубые.

Сейчас он не знал, куда поставить футляр.

— Сюда, — сказала женщина за столом и подвинула к нему подставку. — Вы были на Аллее после нарушения?

— Да.

— Подтверждаете появление незарегистрированной структуры?

— Подтверждаю след отделения. Для заключения о структуре мне требуется...

— Запишите: подтверждает.

— Не это.

Писец поднял перо. Энарис редко повышал голос; сейчас собственная резкость его испугала.

— Я подтверждаю след отделения, — повторил он. — Связь прервалась до моего прихода. Объект я не обследовал.

Женщина за столом поджала губы, но кивнула писцу.

Мира перестала тереть запястье.

— Они сказали, ты установил, что она опасна.

Энарис посмотрел на пятерых.

— Я такого заключения не давал.

Один из заседателей, рыхлый мужчина с красной складкой над воротником, откинулся на спинку кресла.

— Опасность определяет не только ваше ведомство.

— Тогда зачем вы на него ссылаетесь?

Мира спросила спокойно. От этого вопрос прозвучал отчётливее.

Мужчина повернулся к ней:

— Вы признаёте, что не обращались за назначением души?

— Признаю.

— И знали, что самостоятельное образование связи запрещено?

— Я работала с этими запретами двадцать три года.

Писец быстро записывал. Мира следила за его рукой.

— Это тоже запишите. Что я знала.

Энарис расстегнул футляр, хотя доставать пока было нечего. Ему хотелось спросить, что произошло на Аллее. Где она была всё это время. Кто второй. Но здесь каждый ответ попадал в протокол раньше, чем успевал что-либо объяснить.

Дверь за его спиной открылась.

Крайян вошёл один. Его белые одежды были застёгнуты до горла; ни цепей, ни знаков, позволявших отличить председателя от храмового служителя. Разница становилась видна, когда он проходил мимо света. Сквозь край ладони проступала линия стола. У других эларийцев прозрачность появлялась от усталости или болезни, у Крайяна она была ровной, почти незаметной, и не менялась с годами.

Энарис видел его вблизи достаточно часто, но всё равно ловил себя на желании рассмотреть лицо. Узкое, без бороды, с неподвижными складками у рта. Очень светлые глаза не давали понять, куда именно он смотрит, пока не встречались с твоими.

Председатель положил на стол свёрнутый лист.

— Предварительное рассмотрение завершено. Созвать полный Совет.

— Мы ещё не установили состояние ребёнка, — сказал Энарис.

Крайян задержал на нём взгляд.

— Для этого её надо найти.

— Найти, чтобы обследовать?

Мира шагнула от ограды. Страж тут же взялся за её плечо.

— Или вы уже решили?

Крайян посмотрел на руку стража. Тот отпустил женщину.

— Решение старше любого из присутствующих, кроме меня.

Он развернул лист и прижал концы двумя пальцами.

— «Рождённая вне установленного круга разомкнёт пределы четырёх миров. С прекращением их разделения угаснет Свет, удерживающий форму».

Энарис знал эту выдержку. Её учили на первом году службы; из-за неё каждое назначение проверяли дважды. Но прежде ему не приходилось стоять так близко к заверенной копии.

Перед первым словом была маленькая ступенька — знак продолжения зависимой строки. В обычной выписке его бы убрали. Здесь сохранили вместе с древним начертанием.

Он наклонился.

— Здесь начало пропущено.

— Это выдержка, хранитель.

— Знак относится к условию. Что стоит перед ним?

Красношей заседатель перестал поправлять воротник.

Крайян не убрал лист.

— Вы просите открыть подлинник?

Энарис чувствовал, как ноет распухший палец.

— Я прошу прочесть предложение целиком.

— Подайте запрос в архив переходов. Для доступа требуются два держателя.

Это было правдой. Энарис сам отказывал людям, которые приходили только с одной печатью. До сегодняшнего дня порядок казался разумным: важное свидетельство не должен менять единственный хранитель.

— Запрос не успеют рассмотреть сегодня, — сказал он.

— Сегодня нам нужно удержать каналы.

Крайян свернул лист. Мира смотрела на Энариса. Он опустил глаза к футляру и обнаружил, что всё ещё держит крышку открытой.

Он не нашёл, что сказать.

Их перевели в большой зал. Миру провели первой. Энарис шёл следом, держа футляр обеими руками.

За круглым столом стояли двенадцать кресел. Три места от каждого мира; кресло председателя — отдельно, у внутренней стены. Теперь почти все были заняты. Людей вызывали прямо с работы: у представителя Файрэля на рукаве засохла красная пыль, а женщина из Каэльдана принесла расчётную доску, с которой ещё не сняла текущую схему.

В верхней части стены тускло горел Связующий Кристалл. Энарис видел только его грань: основная масса уходила в кладку и дальше, в центральный узел. По грани ползла неровная полоса. Слева от неё свет был заметно слабее.

— Сначала регистрация, — сказал представитель Мар-Ду, высокий старик с раздвоенной серебристой бородой. — Без неё мы не знаем даже, какая душа вышла из Хранилища.

— Ни одна, — ответила Мира.

Он обернулся.

— Вы не можете этого знать.

— Я не брала душу из Хранилища.

— Назначение мог провести второй участник.

— Не проводил.

— Где он?

Мира промолчала.

Женщина с доской провела ногтем по краю схемы.

— Прежде чем обсуждать происхождение, нужны измерения. Падение началось до вспышки или после?

— Общий провал пришёлся на отделение, — сказал Крайян.

— Я спрашиваю не об общем провале. Вот этот участок.

Она показала на слабую сторону грани. Из-за стола Энарису было не видно, что начерчено на доске, но он различил несколько длинных столбцов.

— В Файрэле три недели растёт расход на поддержание выхода, — добавил мужчина с красной пылью на рукаве. — Если нагрузка пришла от нас...

— Она пришла не от вас.

— Это нужно проверить на стороне подачи.

Крайян приложил ладонь к стене.

По грани Кристалла прошла белая черта. Загорелись отметки уровня. Энарис никогда прежде не видел, чтобы нижняя оставалась за пределами свечения.

Шум за столом стих.

— Запас продолжает падать, — сказал председатель. — Пока вы согласуете измерения, лечебным ярусам придётся отключить треть поддерживающих контуров. Кто из вас возьмёт это решение на себя?

— Проверка и поиск не мешают друг другу, — возразила женщина из Каэльдана.

— Значит, займитесь проверкой. Каждый — на своей стороне. Доступы получите до смены караула.

Женщина из Каэльдана не убрала доску.

— И не подключайте нашу опору к вашему управлению. Сегодня утром уже был запрос.

— Общая нагрузка требует общего решения, — сказал Крайян.

Она сняла с доски узкую перемычку. На стене погас один из малых знаков; большая грань продолжала гореть.

Крайян посмотрел на погасшее место.

— Оставьте собственное управление. Но показания должны поступать сюда.

Женщина положила перемышку на стол перед собой.

— А задержанная?

Крайян повернулся к Мире. Она убрала волосы с лица, и на миг стала похожа на ту женщину, которая когда-то стояла в дверях архива с тяжёлой коробкой и требовала наконец выделить ей помощника.

— Ты работала в нижнем хранилище переходов, — сказал он.

— Ты подписывал мои переводы.

— Я помню.

Энарис заметил, что Крайян перестал касаться стены.

— Мне нужно получить от неё маршрут. Совет возобновим после докладов. Оставьте нас.

Старик из Мар-Ду положил обе ладони на стол.

— Представитель хранителей должен присутствовать при...

— При регистрации. Пока регистрировать нечего.

— При допросе матери.

— Вы получите протокол.

Крайян говорил, уже глядя на дверь. Один из эларийских представителей встал. За ним поднялся второй. Мужчина из Файрэля остался сидеть, но его сосед наклонился и что-то сказал ему на ухо.

Энарис ждал, что они откажутся выходить. Сам не двигался, пока служитель не коснулся его локтя.

Мира посмотрела на футляр в его руках.

— Ты всё ещё хранишь запасную иглу в крышке?

Он машинально кивнул.

— Основная у тебя затупилась. Ещё тогда.

Страж шагнул между ними. Энарис вышел.

В коридоре сразу заговорили. Женщина с доской требовала прислать показания за месяц. Старик из Мар-Ду стоял у закрытой двери. Он не ушёл к своим, и Энарис держался рядом с ним, хотя не мог бы объяснить, чего ждёт.

За дверью что-то упало.

Потом послышался короткий женский звук — слишком короткий, чтобы разобрать слово.

Старик ударил ладонью по пластине.

— Откройте.

Дверь не поддалась. Он приложил свой знак, на этот раз удерживая его обеими руками.

Замок щёлкнул изнутри.

Крайян стоял в проёме.

— Хранитель Энарис. Удостоверьте.

Мира лежала на боку возле ограды. Одна нога была подогнута, другая вытянута; носок башмака касался ножки кресла. Коса распустилась окончательно. Светлые волосы закрывали ей рот.

Энарис опустился рядом и отодвинул их.

На шее, под ухом, темнели два следа. Он не стал смотреть, где находилась рука Крайяна.

— Мне нужен свет ниже.

Служитель принёс лампу. Колени хранителя скользили по гладкому полу, и он подложил под одно край мантии. Прижал пальцы к шее Миры, затем поставил контрольную пластину над грудиной.

Она осталась серой.

Он перевернул её, проверил вторую сторону. Пластина работала: на его ладонь ответила тонкой синей полоской.

— Энарис, — произнёс Крайян.

Хранитель открыл крышку футляра и вынул запасную иглу.

Свежий наконечник легко проколол кожу. Капля выступила не сразу. Он перенёс её на вторую пластину и дождался завершения пробы.

Тело было мертво.

У левого виска сохранялся слабый изгиб переходного следа. Энарис наклонил лампу. След уходил от тела в сторону стены, истончаясь там, где заканчивалось действие местной опоры. Маршрут по этому остатку он определить не мог. Но мог подтвердить: душа покинула погибшую оболочку.

— Запишите прекращение телесной жизни, — сказал Крайян.

Энарис взял чистую ткань. Обычно он снимал на неё весь контрольный оттиск, чтобы потом сверить с записью.

— И отделение души.

— Только прекращение телесной жизни. Остальное — в закрытое приложение.

— Кто его удостоверит?

Крайян присел рядом. Так близко, что Энарис увидел светлые ресницы и маленькую складку кожи под одним глазом. На расстоянии лицо председателя казалось совсем гладким.

— Сегодня на Аллее работали ваши ученики.

Хранитель перестал двигать ткань.

— По моему заданию.

— Это установят. Они первыми коснулись следа, которого теперь недостаточно для поиска. Мне необходимо знать, была ли ошибка случайной.

— Они сняли обычные пробы.

— Значит, вам нечего опасаться.

Энарис слышал, как за его спиной старик из Мар-Ду требует внести в протокол время, когда Совет покинул зал. Писец отвечал, что такого пункта в форме нет.

Хранитель прижал ткань к пластине.

— Формулу смерти я подпишу, — сказал он. — Об уничтожении души не подпишу.

— Этого от вас не требуют.

Крайян поднялся.

Энарис сложил ткань, закрывая оттиск внутрь. Отдельный угол с бледным изгибом следа завернул ещё раз и сунул под застрявший напёрсток. Серебро больно прижало распухший сустав. Он опустил руку в рукав.

Когда ему подали лист, он проверил каждое слово. Прекращение телесной жизни. Оболочка восстановлению не подлежит. Время обследования.

О причине смерти не было ничего.

Он подписал.

Миру накрыли. Ткань оказалась коротка, и служитель сходил за другой. Пока его не было, из-под края виднелся башмак. На подошве прилипло маленькое рыжее семечко.

Крайян вернулся к столу. Между его ладонями начал собираться переплёт Книги Эоната. Сначала проступили рёбра страниц, затем тёмный край обложки. Писец торопливо убрал чернильницу с того места, куда она опустилась.

Книга приняла свидетельство. Имя Миры появилось в верхней строке; ниже загорелась отметка смерти тела.

— Ребёнок, — сказал председатель.

Писец подвинул к нему выписку с Аллеи.

Крайян коснулся листа, затем страницы. Возникла строка для связи с матерью. В ней медленно проявился знак дочери.

Энарис ждал номера. У назначенной души он сохранялся всегда: при переходе, утрате тела, даже после длительного сна в Хранилище. Менялись имена, но номер позволял сопоставить записи.

Крайян повторил прикосновение.

Строка осталась пустой.

Писец проверил свою выписку и протянул её другой стороной.

— Здесь всё, что удалось снять, владыка.

Книга не закрывалась.

Энарис посмотрел на накрытое тело. Мира говорила им об этом с самого начала. Он тоже решил, что она ошибается.

Под напёрстком пульсировал палец. Хранитель прижал его к ладони, пряча ткань глубже в рукав.

Глава третья

Приказ без имени

Крайян посмотрел на караульных.

— Внутренние проходы откройте. На внешних оставьте запрет.

Тот, что стоял справа, склонился над пластиной. Каэль вошёл в галерею, и дверь закрылась за его спиной.

— Долго ждал?

— Нет.

Крайян уже шёл дальше. Каэлю пришлось прибавить шаг, чтобы поравняться с ним.

Здесь всё выглядело почти как обычно. Световые жилы горели ровно, в углублении стены стояла большая чаша с водой, над ней висели три широких листа незнакомого растения. Только возле следующей двери толпились служители. Один держал свёрнутую ткань с подшитым краем. Завидев правителя, все трое отошли.

Крайян провёл Каэля мимо.

— Что видел внизу?

— Свет пропал. Верхний и нижний одновременно. Потом через главный канал прошла белая волна.

— Нападение? Повреждения опор?

— В моём секторе нет. Стража закрыла выходы.

Крайян кивнул.

— Пойдём ко мне. В зале сейчас будут мешать.

Каэль бывал в его рабочих покоях чаще многих советников. Обычно это означало, что поручение нельзя доверить обычному приказу. Иногда — что Крайян хотел услышать, как всё произошло, до того, как ему принесут отчёт.

В комнате было прохладно. Тонкая штора прикрывала окно только наполовину; за ней поднимались верхние мосты Эларии. На ближайшем стояли люди. Из-за расстояния невозможно было понять, чего они ждут, но никто не двигался к переходу.

Крайян снял со стола стопку пластин и освободил место.

— Садись.

Каэль остался стоять.

— Я не закончил передачу задержанного. Если нужен полный доклад...

— Доклад подождёт. Сними плащ.

Он подчинился. Застёжка на левом плече заела; пришлось придержать ткань другой рукой. Старый сустав отозвался короткой болью.

Крайян заметил.

— Опять?

— Не мешает.

— Это я уже слышал.

Правитель открыл низкий шкаф, достал небольшой флакон и поставил на стол.

— На ночь. И не затягивай ремень поверх плеча.

Каэль посмотрел на мутную жидкость. Ту же ему давали после обвала в западном переходе. Он тогда вернулся с заданием и трое суток не мог поднять руку выше груди. Крайян распорядился перенести следующий выход, хотя разлом продолжал расти.

— Благодарю.

— Ел сегодня?

Он замешкался.

Крайян вызвал служителя.

— Принеси сюда ужин. На двоих. И горячую воду.

Когда дверь закрылась, он сел напротив, а не во главе стола. Каэль невольно выпрямился.

У правителя были длинные, узкие кисти. Он сложил их перед собой; возле суставов просвечивала столешница. Каэль привык к этому, как привык к голосу, который никогда не приходилось переспрашивать. Крайян мог говорить тихо — всё равно слышали.

— Сегодня на Аллее возникла душа вне назначенного порядка.

Каэль ждал продолжения.

— Мать задержали. Второй участник исчез. Саму душу успели вывести из Элории. Куда — ещё не установлено.

— Беглецы оставили след?

— Охрана сохранила участок. Ты получишь доступ.

На стол принесли хлеб, тёплую крупу с овощами и нарезанные плоды. Каэль почувствовал голод только от запаха. Пока служитель расставлял посуду, Крайян спросил его, восстановили ли свет в кухонном крыле. Тот ответил, что половину очагов пока держат на запасе.

— Лечебным отдать первыми, — сказал правитель. — Здесь обойдёмся.

Служитель ушёл.

Крайян подвинул Каэлю миску.

— Ешь. Времени мало, но не настолько.

Сам он взял только воду. На белом рукаве, возле запястья, была смята ткань. Каэль подумал, что председатель ещё не отдыхал после Совета.

— Нужна доставка в верхний зал? — спросил он.

— Нет.

Крайян дождался, пока он поднимет глаза.

— Обнаруженную душу следует уничтожить на месте. Возвращать её в Элорию нельзя.

Каэль положил ложку. В миске осталась борозда.

За годы службы ему случалось получать распоряжения, которые запрещали доставку. Обычно речь шла о повреждённых носителях, заражавших соседние связи, или о людях, чьё возвращение могло открыть проход преследователям. Но сейчас Крайян говорил о ребёнке.

— Тела у неё ещё нет?

— Нет завершённой оболочки.

— Как отличить её от другой души в пути?

Правитель придвинул одну из пластин. На ней загорелись четыре тонких нити, сходившиеся к неровному ядру. Одна пульсировала чаще остальных.

— Это сняли с места отделения. Смотри на внутренний рисунок. Поток не замкнуты на назначенный номер. Между ними сохраняется открытый участок.

Каэль наклонился. Обычно подобные схемы были плотнее: центральный знак, от него связи. Здесь в середине ничего не читалось.

— Сопоставишь на Аллее, — продолжил Крайян. — Я разрешил чтение остатка. Снимешь направление, затем пойдёшь по следу.

— Если её успели заключить в носитель?

— Разрежешь крепление. Потом саму связь формы. Твой кинжал способен это сделать.

Каэль взглянул на ножны. В прорези плаща, брошенного на соседний стул, темнела рукоять.

— Другого средства нет?

— Общее разрушение носителя может выбросить содержимое в ближайший поток. Нам нельзя её потерять второй раз.

Крайян подождал, давая ему рассмотреть схему.

— Ты слышал о провалах внизу?

— Видел.

— Это только то, что дошло до жилых ярусов. Основной узел принял большую часть удара. Следующий может не удержать.

Каэль вспомнил потёртую страницу. Сорок две отправлены, тридцать одна принята. Старый год под новым.

— Сегодня у задержанного была ведомость. В ней отмечены потери ещё семь лет назад. Крайян откинулся на спинку кресла.

— Каналы изнашиваются. Их приходится поддерживать, часть силы уходит на самую передачу. Это тебе известно.

— Год на странице изменили.

— Кому передал?

— В приёмную. С номером книги и отдельной копией.

— Значит, её проверят.

Крайян сказал это без раздражения. Каэль отпустил край рукава, который незаметно сжал под столом.

— Старые потери не отменяют сегодняшнего провала, — добавил правитель. — Мы с трудом удерживаем существующий расход. Именно поэтому нельзя допустить ещё одного.

Каэль снова посмотрел на схему. В таком объяснении всё сходилось. Ослабленный узел, внешняя нагрузка, неизвестный маршрут. Рем отвечал за цифры; Крайян видел целое.

— Кто может её укрывать?

— Любой, кто считает своё представление о добре важнее чужой жизни.

Ответ был недостаточно точным, но правитель продолжил прежде, чем Каэль успел уточнить:

— Проверяй действия. Предупредишь о запрете, потребуешь выдачи. Если после этого человек помогает уходу — он препятствует исполнению. Полномочия будут полными.

Каэль кивнул.

За окном медленно потемнели мосты. Верхние жилы на время отдыха убавляли свет. Сегодня они тускнели неравномерно: на одном пролёте осталась яркая полоса, соседний почти исчез.

— Мне нужен допуск на всю Аллею, — сказал он. — Не только к эларийской стороне.

— Ваэр принесёт. До утра сопоставь старые маршруты. При первом усилении света вый-дешь.

Крайян поднялся. Разговор закончился.

Каэль тоже встал и потянулся за плащом. Правитель взял флакон и вложил ему в руку.

— Я рассчитываю на тебя.

Каэль сжал стекло.

— Я найду её.

В собственной комнате он первым делом положил пластину рядом с лампой. Световой рисунок ещё держался. Через несколько минут без опоры начал бледнеть.

Каэль придвинул лампу и снял рубаху, стараясь не поднимать левый локоть. Наклонился над чашей, смыл с шеи дорожную пыль. Вода потекла по груди, задержалась на старом неровном рубце у плеча.

В маленьком зеркале над чашей отражался край лица. Тёмные волосы, коротко срезанные у висков, после воды легли на лоб. Он убрал их назад. Правый глаз, тёмно-карий, в этом свете казался почти чёрным; левый оставался бледно-голубым. В полутёмной комнате разница была особенно заметна.

Каэль вытер подбородок. Бриться придётся утром. Пока можно было заняться плечом.

Он открыл флакон, осторожно втер несколько капель. Запах был резким, смолистым. Сначала кожу защипало, потом сустав стало отпускать.

В дверь постучали три раза: два удара рядом, третий после паузы.

— Входи.

Ваэр открыл дверь ровно настолько, чтобы пройти. В одной руке у него лежал плоский футляр. Другую он держал возле груди, придерживая край мантии.

Каэль натянул чистую рубаху.

— Уже готово?

— Только что заверили.

Лицо Ваэра закрывала матовая маска. Она не пыталась повторить человеческие черты: узкие прорезы для глаз, гладкая переносица, несколько мелких отверстий возле рта. Нижний край скрывался под высоким воротом. Каэль иногда замечал, как чиновник поправляет его, когда думает, что никто не смотрит.

Ваэр поставил футляр на стол и открыл. Внутри лежал знак с четырьмя насечками.

— Право обследования центральной площадки. Доступ к остаточным записям. Пересечение границ — по правилам принимающей стороны.

— Крайян сказал: полные полномочия.

— В пределах его права. Этот знак не позволит пройти живым там, где тело не принимают.

Каэль забрал допуск.

— Знаю.

Ваэр не уходил. Его взгляд остановился на кинжале, который Каэль положил возле чаши перед умыванием.

— Что-то ещё?

— Нижнее крепление ножен. Проверь.

Каэль перевернул ремень. Кожа возле заклёпки стёрлась, но держалась.

— Оно цело.

— Когда придётся бежать, потянет вбок.

Ваэр протянул руку, словно собирался сам показать, и сразу убрал. Каэль посмотрел на него внимательнее. Чиновник был ниже его на полголовы, сухой, с узкими запястьями. На среднем пальце виднелась старая белая полоса, уходившая под манжету.

— Ты видел, что случилось на Аллее?

— Я был во дворце.

— А задержанную?

Пауза оказалась короткой, но Каэль успел её заметить.

— Видел.

— Она что-нибудь сообщила о маршруте?

— Всё, что разрешено передать, приложено к допуску.

— Я спрашиваю, что слышал ты.

Ваэр повернулся к двери.

— Больше я ничем помочь не могу.

Каэль ждал. Ваэр поправил ворот, хотя тот лежал ровно.

— Ты её видел, — сказал Каэль. — Мне завтра искать её ребёнка. Скажи хоть что-нибудь, чего нет в приказе.

Ваэр положил ладонь на дверную пластину.

— Подожди.

Ваэр замер.

Каэль поднял футляр.

— Забери. Он мне не нужен.

Чиновник вернулся к столу, закрыл крышку и вышел. Дверь за собой притворил осторожно, без щелчка. Каэль сам надавил на неё до конца.

До утреннего усиления оставалось несколько часов. Он разложил на кровати вещи: сменную рубашку, перевязочную ткань, точильный брусок, небольшой запас сухой еды. По описи при допуске проверил, какие участки Аллеи закрыли и кто первым снимал пробы.

Крепление ножен он всё же заменил.

Старую полоску кожи срезал обычным ножом, выбрал новую, шире на два пальца. Пока тянул её через пряжку, цепочка кристалла зацепилась за край стола.

Каэль освободил её и взял камень в ладонь.

Точка внутри никуда не исчезла.

Он поднёс кристалл к лампе. Обычно при таком освещении внутренний рисунок пропадал. Теперь маленький свет оставался различимым, хотя не стал ярче.

Каэль провёл по поверхности большим пальцем.

Под ногами раскалился пол.

Он резко отдёргнул руку, но жар не исчез. Через тонкие подошвы жгло так сильно, что хотелось переступить. Ноги не двигались.

Перед ним была чужая рука. Нет — его собственная. Маленькая, с ободранной костяшкой, сжатая в кулак. Красная нитка на рукаве лезла в глаза, и он не мог вспомнить, почему её нельзя оборвать.

Кто-то говорил сверху:

— Прежняя воля прекращается.

Он хотел возразить. Ему велели стоять смирно, но сейчас нужно было сказать, что он не согласен, что мать не знает, где он.

Рот не открылся.

Сбоку появился свет — близкий, болезненный. За ним двигалась ладонь. Пальцы зацепили тонкую серебряную нить и потянули совсем немного, как вытягивают петлю из туго затянутого шва.

— Не смотри туда.

Женский голос. Он попытался повернуть голову к нему, но свет ударил в глаза, и остались только пальцы, складывавшие нить в маленький узел.

Каэль упёрся коленями в край кровати.

В комнате было холодно. На полу лежала пряжка. Кристалл висел на цепочке, натянутой между его шеей и сжатой рукой.

Он медленно разжал пальцы.

Костяшка была цела. Рука — взрослая, с длинным шрамом у основания большого пальца. Каэль перевернул её, проверил ладонь, затем опустился на кровать.

Дыхание никак не выравнивалось.

Он знал, что в детстве проходил посвящение. Помнил огненную площадку, голоса, потом пробуждение в Элarii. Эти обрывки никогда не складывались в последовательность, да и необходимости в этом не было: ему объяснили, что переход повредил раннюю память.

Женского голоса прежде не было.

Каэль посмотрел на дверь. До караула несколько шагов. Можно передать, что служебный камень даёт посторонние ощущения. Его осмотрят, выдадут другой, если потребуется.

Он потянул цепочку через голову и остановился.

Без своего кристалла он не сумеет прочесть след на Аллее. Новый придётся согласовывать с ним, а за это время остаток ослабнет. Крайян не случайно поручил поиск ему.

Каэль опустил цепочку обратно.

Взял чистый обрывок бумаги и написал: «После белого света — нагрев. При касании — жар в ступнях. Рука ребёнка. Женский голос».

Подумал и добавил: «Серебряная нить».

Сложил лист вчетверо, убрал в маленький внутренний карман. Доложит после первого чтения, когда сможет отделить реакцию инструмента от того, что случилось на площади.

Утренний свет застал его за проверкой нового ремня. Плечо болело меньше. Он выбрился, допил холодную воду, надел плащ. Пластина с рисунком цели погасла, но схема осталась в памяти: четыре сходящихся потока и открытый участок в середине.

Каэль остановился у двери.

На столе стоял флакон Крайяна. Он оставил его: в дороге стекло могло разбиться. Потом вернулся, обернул остатком перевязочной ткани и положил к остальным вещам.

Комната сразу показалась приготовленной к чужому приходу. На столе ничего, кровать застелена. Даже вода в чаше чистая.

Он запер дверь и проверил замок. Обычно этого хватало, чтобы перестать о ней думать.

На лестнице Каэль ещё раз коснулся ключа в кармане.

Глава четвёртая

След на перекрёстке

На Аллею не пускали тележку с хлебом.

Возчик стоял, упершись животом в оглоблю, и доказывал стражнику, что вчера его пропустили. Стражник отвечал, что вчера было вчера. Пока они спорили, из-под полотна над корзинами шёл пар.

Каэль остановился за тележкой. Здесь уже нельзя было просто обойти очередь: поперёк прохода натянули световой шнур, концы которого уходили в две переносные опоры. За ним лежали инструменты и снятые плиты. Ночной караул работал вместе с ремонтниками.

— Кто старший?

Стражник повернул голову. Возчик оглянулся следом и отступил, позволив тележке откатиться ему на ногу.

— Я, — ответил стражник.

Каэль показал допуск. Тот поднёс к нему контрольный знак, дождался четырёх коротких вспышек и сразу опустил шнур.

— Центральную площадку не трогали. Нам велели сохранить.

— Кто внутри?

— Двое из дорожной службы. Смотритель у северной опоры. Смена из Мар-Ду ещё не пришла.

— До моего распоряжения никого к центру.

Каэль перешагнул шнур. За спиной возчик снова заговорил, уже тише:

— Мне в караульную, не на площадь. Вашим же.

— Оставь корзины здесь, — сказал стражник. — Тележку отведи.

От хлеба пахло тёплой коркой. Каэль вспомнил холодную еду в дорожном мешке, но возвращаться не стал.

Он видел Аллею прежде, с верхней галереи. Оттуда четыре арки казались одинаковыми: высокие опоры, перемычка, ступени к центру. Вблизи сходство исчезало.

Арка Эларии осталась за его спиной. Свет лежал в ней ровными слоями, и через них ещё были видны плечо стражника и белое полотно на тележке. Справа темнел порог Файрэля. Воздух возле него двигался, хотя ветра на Аллее не было; по внутреннему краю опор медленно поднимались красные крупинки. Они гасли, достигнув перемычки. От камня шло сухое тепло.

Напротив стояла арка Каэльдана. В её основании, прямо под ступенями, был лёд. Каэль сначала принял его за прозрачную облицовку, но на выступе висели капли. Внутри неподвижного слоя серебрился поток. Он уходил в толщу опоры, разворачивался там под прямым углом и возвращался к порогу.

Четвёртая арка оставалась пустой.

У неё не было ни сияния, ни видимой глубины. За опорами продолжалась та же площадь. Каэль различал шов между плитами по обе стороны порога, но, пройдя ближе, перестал слышать стук инструментов за спиной.

Он отступил. Стук вернулся.

Мар-Ду.

Каэль обошёл арку, не пересекая её. Швы между плитами вели к тёмному проходу из-под каждой опоры, сходились в углублении размером с ладонь и расходились дальше. В углублении стояла мутная вода. У соседней чаши рабочий оставил щепку поперёк стока; при каждом толчке воды она стукалась о камень. Этот стук Каэль ещё слышал.

Возле него на коленях сидела женщина с коротко обрезанными седыми волосами. Она упиралась обеими руками в длинный ключ, стараясь повернуть застрявший крепёж. Рядом молодой рабочий держал коробку с гнёздами для вынутых деталей.

Каэль остановился у края круга.

— Отойдите от центра.

Женщина подняла голову.

— Мы на подводе. Саму чашку не трогаем.

— Мне нужен весь участок.

Она вытащила ключ и с трудом поднялась, придерживая правое колено. На щеке от перчатки осталась серая полоса.

— Если не закрепить подвод, к вечернему сбросу нижнюю плиту поведёт. Тогда весь ваш участок треснет.

— Сколько времени нужно?

— До середины смены управимся. Если опять не заберут людей.

Каэль посмотрел на чёрные полосы по краям крепежа.

— Это со вчерашнего дня?

Молодой рабочий коротко рассмеялся. Женщина повернулась к нему, и он склонился над коробкой.

— Шесть недель этому шву, — ответила она. — Меняли трижды. По старой заявке.

— Почему не заменили плиту?

— Новую дадут после проверки основания.

— Основание проверяли?

— Дважды.

Она стояла, не опуская ключа. Каэль заметил свежую мозоль на перепонке между большим и указательным пальцами. Край перчатки был подрезан, чтобы не давил.

— Показания у смотрителя, — сказала женщина. — Мы здесь ничего не решаем.

— Я спрашиваю, что видели вы.

Молодой рабочий переставил коробку.

— Вода кипит снизу, — сказал он. — Не всегда. Когда Файрэль даёт больше, вроде должна уходить в опору. А она под нами остаётся. Потом у третьего порога всё белеет. Вчера сильнее было, а до того тоже...

— Он говорит о наледи, — перебила женщина. — Обычная перегрузка отвода. Мы её снимаем.

Каэль посмотрел на ледяной слой возле арки Каэльдана. Серебряная линия внутри дрогнула, на миг раздвоившись.

Старые потери. Износ. Крайян предупреждал о них, и всё же здесь это выглядело иначе, чем над миской с горячей едой: стёртый ключ, третье крепление в одном шве, двое вместо бригады.

— Составьте список замен. С датами.

Женщина медленно опустила инструмент.

— Кому передать?

— Смотрителю. Вторую копию оставьте у себя.

— Писец к нам приходит к концу смены.

Каэль достал свой дорожный лист, оторвал чистую половину и протянул ей.

— Можно без печати. Разборчиво.

Она взяла бумагу.

— А сейчас куда нам?

Каэль указал на снятые плиты за кругом.

— Работайте там. Если начнёт нагреваться — сразу скажете.

Смотритель ждал под узким навесом. На столе перед ним лежали три запечатанные пробы. Четвёртое гнездо было пустым.

Он показал журнал, разрешение на ночные работы и список тех, кто заходил после происшествия. Говорил без остановки, заранее отвечая на возможные обвинения. Каэль дал ему закончить.

— Кто снимал пробы?

— Ученики хранителя Энариса. Потом он сам. Вот отметки.

— Почему три?

— С четвёртого подвода нечего было снять. Распалось до закрепления.

Каэль коснулся пальцем пустого гнезда.

— С какого?

Смотритель показал в сторону Мар-Ду.

— Кто-нибудь читал центр?

— Нет. На это нужен личный допуск.

— Участок промывали?

— Только наружное кольцо. К середине не подпускали. Могу привести людей.

Каэль убрал руку от стола.

— Не нужно. Пробы не вскрывать. Дай мел и две сухие подкладки.

Смотритель принёс всё сам. Пока он искал подкладки, Каэль изучил схему подводов. Такие узлы он обследовал после повреждений, но тогда цель была проще: выяснить, с какой стороны пришёл удар. Читать человеческое действие по остаточному давлению ему приходилось редко. Тем более действие, породившее то, чему не полагалось существовать.

Он опустился у центра, подложил ткань под колени и поставил четыре отметки. На каждой коснулся камня открытой ладонью. От Файрэля шёл жар, от Каэльдана — холодное покалывание; эларийская сторона отзывалась лёгким давлением на ногти. Возле последней отметки кожа перестала чувствовать поверхность.

Каэль убрал ладонь и проверил пальцы. Чувствительность вернулась не сразу.

— Пока читаю, никому не заходить за черту, — сказал он смотрителю. — Даже если покажется, что я упал.

— А если упадёте?

— Не трогать камень. Тянуть за ремень.

Смотритель переступил подальше.

Каэль вынул кристалл. Внутренняя точка всё ещё держалась. Он несколько мгновений смотрел на неё, вспоминая детскую руку и жар в ступнях, затем раскрыл записку из кармана и добавил время обследования.

Если ощущение повторится, придётся остановиться. Свой след нельзя принимать за чужой.

Он положил камень в центральное углубление.

Вода отступила к краям, хотя кристалл был слишком мал, чтобы вытеснить её. Цепочка вытянулась и задрожала. Каэль прижал указательный палец к верхней грани.

Сначала ничего не произошло.

Он выровнял дыхание. Перестал слушать ключ ремонтницы, шорох журнала, скрип сапога смотрителя. Площадь осталась на месте, но швы между плитами сделались резче. Старые царапины наложились одна на другую; по ним проходили ноги, которых уже не было.

Слишком много.

Каэль убрал давление с эларийской стороны. Слой поздних следов истончился. Показались два тёмных пятна, остановившихся возле центра.

Он потянулся к ним — и кристалл обжёг подушечку пальца.

Пятна распались.

Каэль выругался сквозь зубы. На камне выступила капля крови. Он вытер её о подкладку и начал снова, осторожнее.

Теперь из пустого воздуха поднялся край одежды. Ни ткани, ни цвета он не различал: только место, где чужое тело изменило течение силы. Затем — плечо и склонённая голова. Второй силуэт был выше, но лицо тоже не складывалось.

Они стояли близко.

Каэль ожидал увидеть прибор, раскрытый носитель, хотя бы предмет, который можно было бы искать. Вместо этого одна фигура подняла руку. Вторая поймала её пальцы и удержала между ладонями.

Послышался голос.

Каэль замер, стараясь не шевелиться. До него дошёл короткий гласный звук, потом ещё один; между ними шёл ровный треск. Слова не восстанавливались.

Силуэт справа отстранился. Другой качнулся следом, будто не хотел отпускать. Каэль увидел прикосновение ко лбу — или только движение, похожее на него.

Он попробовал удержать эту часть.

Лица окончательно исчезли. Сила, которую он направил на чтение, сгладила мелкие различия, оставив только широкие пятна. Каэль остановил нажим. Вернуть утраченное уже не получалось.

Между ладонями вспыхнуло ядро.

Небольшое, неровное. Оно сначала повторяло изгиб пальцев, потом оторвалось от них и осталось висеть отдельно.

Каэль почувствовал, как через камень проходит удар. Тот самый, от которого погасли нижние жилы. Но здесь он растянулся: четырёх подводам пришлось отдать силу одновременно, и на мгновение ни один не удержал прежнее направление.

Одна фигура накрыла ядро ладонью, не касаясь. Другая повернулась к арке Мар-Ду.

В пустом промежутке между потоками возник тонкий тёплый отблеск.

Каэль принял его за кровь на грани. Сдвинул палец — отблеск остался в прежнем месте, вне четырёх сходящихся линий. Он не шёл ни от одной опоры.

Ядро повернулось к нему.

Всего на миг. Потом высокий силуэт перекрыл середину, остаточная картина дёрнулась и потекла в сторону Мар-Ду. Каэль успел проследить движение до первой ступени, прежде чем звук рабочего ключа вернулся так резко, что он вздрогнул.

Перед ним опять стояла вода.

Он опирался на обе руки. Цепочка запуталась между пальцами, колени затекли. Смотритель держал его за заднюю пряжку пояса.

— Отпусти.

Тот разжал руку.

— Вы наклонились. Я думал, дальше...

Каэль сел на пятки. Кристалл лежал на боку, тёмный снаружи; только внутренняя точка оставалась светлой.

— Сколько?

— Почти четверть сменного часа.

Казалось, прошло меньше минуты.

Каэль вытер камень. На пальце остался неглубокий ожог с маленьким разрывом кожи. Он прижал к нему чистый край ткани и снова посмотрел в центр.

Остаток заметно ослаб. Теперь можно было ещё раз проверить направление, но попытка восстановить лица сотрёт и его. Для опознания двух людей материала не осталось.

— Видели их? — спросил смотритель.

— Двое. Здесь.

— Оба эларийцы?

— Не установлено.

Каэль поднялся. Нога почти не слушалась; пришлось выждать, пока колючая боль разойдётся до ступни.

— Нужен второй просмотр? — Смотритель уже достал из-за пояса чистую пластину.

— Нужен сохранный участок.

Он обошёл центральную впадину, отмечая линию ухода. След становился уже, но не прерывался. Возле порога Мар-Ду в него вплетался ещё один изгиб, слишком слабый для человеческой формы. Каэль присел и сверил его с запомненной схемой.

Открытый участок. Та же неравномерность на правой стороне.

Это была цель.

Арка Мар-Ду выглядела ближе, чем прежде. Каэль различал мелкие углубления на её опорах, полоски истёртой резьбы. Изнутри тянуло холодом, который не ощущался кожей: заныли зубы и кости под глазами.

Он не собирался входить. Ему требовалось определить, закончился ли след перед порогом или ушёл дальше. Для этого он поставил ногу на первую ступень и опустил кристалл на вытянутой цепочке.

Камень качнулся внутрь.

След подтвердился.

Каэль потянул цепочку назад, но рука не двинулась. На миг он перестал понимать, где находится локоть. Плечо ещё было здесь, пальцы держали металл, а расстояние между ними не складывалось в собственное тело.

Он перенёс вес назад.

Ничего.

Давление сомкнулось поперёк груди. Каэль видел, как кожа возле манжеты бледнеет, теряя очертания. Не прозрачность Эларии — края распадались отдельными пятнами.

Снаружи открывался чей-то рот. Звука не было.

Каэль разжал пальцы левой руки, правой схватился за боковую опору и дёрнул себя назад. Новое крепление ножен натянулось, удержав оружие у бедра; старое, пожалуй, лопнуло бы. Каблук соскользнул со ступени.

Он ударился спиной о камень площадки и услышал собственный вдох.

— Не подходить, — выговорил он.

Молодой рабочий остановился в двух шагах. В руке у него был длинный крюк.

Каэль приподнялся. Кристалл висел на цепочке, снова обычный и тяжёлый. До порога оставалось меньше длины руки.

Он знал правило. В Мар-Ду входили отделённым сознанием, оставив живое тело на закреплённой стороне. Но в старых обследованиях граница отталкивала его раньше, чем он успевал перенести вес. Теперь она втянула камень вместе с рукой.

— После вспышки край сместился, — сказал смотритель. — Я вам хотел...

— Где отметка?

Тот показал на почти стёртую белую черту. Она проходила по верхней ступени, за той, куда встал Каэль.

— Новая, — уточнил он.

Смотритель опустил глаза.

Каэль встал, придерживая левую руку у груди.

— Отодвинуть ограждение. Сейчас. На полторы длины от первой ступени.

Рабочие принялись переносить стойки. Женщина подала парню шнур и сама встала у края, следя, чтобы тот не подошёл слишком близко. Каэль дышал медленно. Воздуха уже хватало, но сердце билось часто, неприятно толкаясь в горле.

Вчерашний кристалл. Ночное воспоминание. Теперь граница.

Он вынул записку и дописал реакцию у порога. Жар детской площадки не повторился, значит, общий сбой не объяснял всего. Отправлять Крайяну одни ощущения было рано. В Каэльдана смогут проверить и камень, и его связь с телом; после проверки будет что докладывать.

Смотритель принёс список замен. Женщина написала его на колене, крупно, с нажимом. У каждой даты стояло, что именно приходилось менять. Последняя запись была сделана вчера до вспышки.

Каэль сложил лист отдельно от своей записки.

— Передай в дорожную палату. Копию сохрани, как договорились.

— Они запросят основание.

Он оставил под списком служебный знак.

Смотритель прижал лист к журналу, проверил, не смазался ли знак, и только тогда убрал его под обложку.

Каэль вернулся к центру и наложил узкую печать сохранения. Она легла по внешнему кольцу, не касаясь самого остатка. Свою кровь с подкладки он смыл отдельно, в чашке, и велел вылить воду за пределами площадки. Незачем оставлять будущему проверяющему ещё один человеческий след.

— До повторного обследования здесь не чистить. Подвод крепите снаружи. Если плита начнёт двигаться — вызвать меня через дворцовый караул.

— Вас не будет во дворце, — сказал смотритель.

— Переадресуют.

Каэль взглянул на арку Каэльдана. Серебряный поток снова шёл одной линией. Там умели удерживать связь между сознанием и телом; в Файрэле — закреплять её на случай разрыва. Он читал порядок подготовки, когда работал на пограничных постах, и тогда не ожидал, что придётся пользоваться им самому.

Сначала Каэльдан. Проверка камня, обучение, потом огненный порог. На прямой переход в Мар-Ду у него больше не было оснований надеяться.

Он составил короткое донесение Крайяну: место подтверждено, две взрослые фигуры, уход цели в Мар-Ду, лица не восстановлены. Пятый отблеск записал как постороннее свечение, источник которого не установлен. Отдельно отметил старые повреждения подвода. Передал всё смотрителю для отправки, оставив себе копию.

— Когда откроют сторону Каэльдана?

— На приём — к следующему утру. Сейчас только возврат их служителей. После вчерашнего они проверяют опоры.

Почти сутки.

Каэль посмотрел на свой допуск, но спрятал его. Право пересечь границу не делало повреждённую опору безопасной.

— Мне нужно место в ближайшей группе.

Смотритель кивнул и пошёл к столу.

За ограждением молодой рабочий уже открывал принесённую корзину. Внутри лежали лепёшки. Женщина сняла перчатки, размяла пальцы и отломила кусок, сдувая пар. Смотритель, проходя мимо, тоже протянул руку.

Парень поднял на Каэля глаза.

— Вам оставить?

Женщина перестала жевать.

Каэль хотел отказаться. Потом почувствовал, как дрожат после порога колени, и подошёл.

— Одну.

Ему дали самую большую. Он вернул её в корзину, взял ближнюю и сел на снятую плиту за ограждением. Край лепёшки обжигал пальцы. Есть пришлось медленно, отламывая здоровой рукой маленькие куски.

Некоторое время все молчали. Потом женщина велела парню не класть ключ на хлебное полотно. Тот передвинул его и начал рассказывать, как ночью возчик перепутал караульные посты. На третьей фразе забыл о Каэле и рассмеялся.

Каэль доел, пока парень рассказывал про возчика. Женщина смахнула с колен крошки и снова натянула подрезанную перчатку.

К полудню он ушёл в служебный дом у эларийского выхода: ждать открытия, изучать схему отделения и пытаться дать плечу отдых.

* * *

На Аллее меняли смену.

Когда инструменты убрали, а смотритель унёс журнал под навес, у порога Мар-Ду появился человек в длинной одежде. Он дождался, пока двое рабочих отойдут с тележкой, и присел возле центральной чаши.

Печать Каэля продолжала светиться. Человек не стал её трогать. Просунул между двумя плитами тонкую пластину, повернул ребром и снял с нижнего шва слабый тёплый отблеск.

Подержал пластину на ладони, проверяя, удержалось ли свечение. Затем спрятал её в складках одежды и вернулся к пустой арке.

Вода в центральном углублении осталась неподвижной.

Глава пятая

Мир, который считает

На той стороне ему велели подождать.

Каэль стоял под аркой, чувствуя, как холод проходит сквозь подошвы. Перед ним, за низкой перегородкой, женщина в синем рабочем платье пересчитывала пустые гнёзда в транспортной раме. На эларийский допуск она уже посмотрела. Потом вернулась к раме.

— Сколько времени? — спросил он.

— Пока не освободят внутреннюю площадку.

Через широкий проём было видно, как двое тащат по направляющим длинный ящик. Один шёл спиной вперёд и ругался на напарника, который никак не мог поднять свою сторону.

Каэль мог бы пройти справа. Но женщина, заметив его движение, положила ладонь на край перегородки.

— Не туда. Под плитой обратный ход. Когда ящик снимут, она поднимется.

Он остановился.

Ящик сдвинули. Плита, на которую Каэль собирался наступить, бесшумно поднялась на высоту колена. Внизу блеснула вода.

— Теперь сюда, — сказала женщина.

Он обошёл перегородку с другой стороны. Допуск ему вернули с небольшой круглой меткой.

— Для городских переходов. Открывает только пешие дорожки. У центральной башни обратитесь к дежурному.

— Меня должны принять без задержки.

— Дежурному это и скажете.

Она потянула к себе следующую раму.

Каэль вышел на улицу.

Первые несколько шагов он смотрел под ноги. Камень был полупрозрачным, и в его глубине двигались узкие полосы серебряного света. Через равные промежутки дорожку пересекали тёмные швы. Там, где люди подходили к воде, швы расширялись, пропуская небольшой мост.

Город стоял на каналах. Между домами шла прозрачная вода, над ней вращались медленные колёса. Они не касались поверхности: лопасти ловили тонкие вертикальные струи, поднимавшиеся из каменных чаш. На стенах висели стёкла разной толщины; проходящий свет оставлял на штукатурке подвижные прямоугольники.

Каэль ожидал холода. После ледяной арки воздух показался почти тёплым, влажным. Пахло мокрым деревом и чем-то сладким из открытой лавки. На подоконнике второго этажа сушились детские рубашки, прижатые к шнуру тяжёлыми кольцами.

Сзади зазвенело.

— С пути, пожалуйста!

Он шагнул в сторону. Мимо прокатилась тележка с четырьмя узкими колёсами. Женщина, державшая её за ручку, кивнула ему, не замедляясь. В тележке спал ребёнок, а вокруг лежали свёртки и торчал стеблями вверх пучок зелени.

В Эларии перед ним уступили бы заранее.

Каэль подтянул мешок на здоровом плече и пошёл к башне, которую было видно над крышами. Вчера вечером ему вернули подтверждение приёма: обследование служебного кристалла и начальная подготовка к отделению сознания. Слово «начальная» было подчёркнуто. Срока окончания не указали.

Крайян разрешил маршрут. Его ответ пришёл через зрителя: «Действуй по установленному следу. Отчёт после закрепления». Ни вопроса о постороннем свечении, ни указаний относительно старых повреждений. Каэль решил, что их передали соответствующим службам.

На узком мосту собрались люди. Двое пытались разойтись с большими корзинами; старик с тростью ждал, пока они перестанут советовать друг другу, как удобнее повернуться. Каэль остановился за ним.

— Первый раз? — спросил старик, не оборачиваясь.

— Здесь — да.

— Тогда не на белую полосу. Скользящая.

Один из носильщиков наконец поднял корзину над головой. Второй прошёл, задевая его локтем. Старик двинулся следом. Каэль посмотрел на белую полосу вдоль перил и переступил через неё.

За мостом он услышал треск.

У основания невысокой башни стояли трое. Подросток в слишком длинном фартуке держал обеими руками прозрачный стержень. В углублении стены светилось открытое гнездо. Женщина с перевязанными волосами нагнулась за инструментом; третий, совсем маленький мальчик, сидел на ступеньке и ел грушу.

Стержень в руках подростка начал белеть.

Каэль сделал к нему шаг.

— Отпусти.

— Не отпускай! — одновременно сказала женщина.

Подросток замер. Каэль остановился, увидев её поднятую ладонь.

— Смотри на меня. Локти ниже. Не вращай.

Она встала вплотную к нему, положила свои руки поверх его и медленно вернула стержень в прежнее положение. Белизна отступила к концу.

— Вот так. Теперь я держу. Вынимай левую руку. Левую, не обе.

Стержень лёг в подставку. Подросток отступил, часто дыша. На щеках у него выступили красные пятна.

Каэль показал на открытое гнездо:

— Оно было под нагрузкой.

— Именно поэтому нельзя ронять, — ответила женщина. — Благодарю, что остановились.

Она уже повернулась к ученику.

— Что пропустил?

Тот смотрел в землю.

— Обратную заслонку.

— Покажи.

— Я знаю, где...

— Покажи мне.

Он указал на небольшой рычаг. Женщина кивнула, проверила положение и отступила.

— Сначала. Всё действие.

Подросток поднял голову.

— Сейчас?

— А когда? Когда забудешь, на чём ошибся?

Мальчик на ступеньке обгрыз грушу до семечек.

— Я бы запомнил, — сообщил он.

— Ты вчера надел оба сапога на одну ногу, — сказала женщина.

— Это были разные сапоги.

Ученик засмеялся, сразу смутившись собственного смеха. Женщина толкнула его плечом к гнезду. Он уже спокойнее взялся за рычаг.

Каэль отошёл. Подросток снова взял стержень, на этот раз ближе к середине. Мальчик на ступеньке протянул ему недоеденную грушу. Тот мотнул головой, не отрывая глаз от гнезда.

Под камнем рядом с его ногой прошёл серебряный изгиб.

Каэль сначала решил, что ученик опять сдвинул поток. Но женщина повернула голову и нахмурилась. Линия, шедшая к башне, отклонилась от своего русла, поднялась к поверхности и остановилась у его левого бедра.

Возле кинжала.

Он отступил. Линия последовала за ним на ширину ладони.

— Не двигайтесь, — сказала женщина.

Каэль замер.

Она проверила гнездо, потом посмотрела на круглый знак, выданный на входе.

— Покажите метку перехода.

Он снял её с пояса и протянул. Женщина отнесла знак к стене. Свет остался возле Каэля.

— Что у вас под плащом?

— Оружие.

— Местное?

— Моё.

Она вернула метку.

— Вижу, что не моё. Я спрашиваю, где сделано.

Каэль откинул полу плаща, оставив руку на ножнах. Камень в наверху впервые ото-
звался на свет: вдоль тёмной поверхности проступила тонкая грань.

Женщина выпрямилась.

— К центральной башне идёте?

— Да.

— Тогда не через нижнюю улицу. Там старый распределитель. Обойдите вдоль воды. И скажите Велену, что откликнулся третий учебный подвод. Он поймёт.

— Ты знаешь этот кинжал?

— Я знаю свою линию. Она не должна была вас замечать.

Женщина прикрыла гнездо заслонкой. Серебряный изгиб ослаб и вернулся в камень.

Каэль ещё раз взглянул на рукоять. Рем видел рисунок в старой описи. Теперь устройство чужого города узнало оружие раньше, чем люди.

Он пошёл вдоль воды, как ему велели.

У центральной башни не было стражи с копьями. Двое служителей проверяли документы за общим столом. Над входом висела карта каналов, покрытая подвижными отметками. Каждая меняла яркость независимо от остальных.

Служитель прочёл приглашение, попросил назвать себя и подал узкую полоску бумаги.

— Второй этаж. Там ждут.

Каэль поднялся по лестнице. На площадке стоял мужчина с разбитой переносицей и короткими волосами, в которых было больше седины, чем тёмных прядей. Он держал кусок хлеба между зубами и пытался застегнуть воротник, не выпуская двух пластин из-под мышки.

Увидев Каэля, мужчина вынул хлеб.

— Вы раньше письма. Хорошо. Велен.

Он протянул руку. Каэль пожал её; ладонь была сухая и шершавая, ноготь большого пальца треснул вдоль.

— Мне сказали передать про третий учебный подвод.

Велен перестал жевать.

— Что произошло?

Каэль описал изгиб линии и движение вслед за ножами.

— Оружие не извлекали?

— Нет.

— И не касались оголённого подвода?

— Нет.

Велен посмотрел на его бедро, затем на приглашение.

— Сначала поговорим. Теперь без предварительной проверки точно не получится.

Он распахнул дверь плечом.

Комната оказалась тесной. Большую её часть занимал стол с картой, на краях которого стояли кружки, коробки с образцами и недоеденная тарелка каши. У окна женщина в тёмном платье читала два листа, перекладывая их один поверх другого. Чёрные волосы были собраны в низкий узел; несколько седых прядей возле лба оставались на виду. Она не поднялась.

— Дейра, глава расчётов, — представил её Велен. — Тесс, представитель водных поселений.

Второй женщине, сидевшей у карты, было, на вид, меньше лет. Широкое лицо обветрилось, возле рта светлел след старого пореза. На спинке её стула висел плащ с мокрым нижним краем. Она кивнула Каэлю и подвинула ногой свободный стул.

Велен положил хлеб на край тарелки.

— Каэль-Мор. Эларийская служба. Запрос на отделение с возвратом. По дороге получил отклик третьего учебного подвода. Оружие покажете, когда закончим здесь.

Дейра отложила листы.

— Крайян прислал вас за резервом?

— За обучением.

— В письме есть право экстренного обеспечения.

— На поиск.

— Обеспечение чем?

Каэль положил допуск на стол.

— У вас есть текст.

Она не взяла знак.

— Именно поэтому спрашиваю. Нам уже предлагали считать изъятие временным обеспечением. Возврата мы до сих пор ждём.

Тесс повернула карту к нему. В нижней части мигали три маленькие отметки.

— Вчера здесь остановились подъёмники. В двух поселениях воду доставали вручную, в третьем не хватило людей. Если на подготовку вашего перехода потребуется местный запас, я должна знать сколько.

— Речь об одном человеке, — сказал Каэль.

— При неправильном возврате один человек может снять опору с целого канала, — ответил Велен. — Дело не в вашем весе.

Каэль убрал руку с допуска.

— Мне нужен путь в Мар-Ду. Цель ушла туда после вчерашнего нарушения. Задержка опасна.

— Мы присутствовали на Совете, — сказала Дейра. — О нарушении знаем.

Он посмотрел на неё внимательнее. Значит, она видела задержанную. Возможно, знала больше, чем было в выданной ему выписке.

— Вам сообщили маршрут?

— Нет. Нам предложили принять объяснение без измерений. Вы измеряли?

Каэль вынул копию отчёта.

Дейра взяла лист, прочла и передала Велену. На строке о постороннем свечении её палец задержался, но вопрос она задала другой:

— Вы сохранили остаток?

— Печать на внешнем кольце. Чтение забрало мелкие различия, направление осталось.

— Хорошо.

Он не ожидал одобрения и ответил жёстче, чем собирался:

— У меня есть приказ действовать без задержки.

— Он не отменяет нашего права закрыть опасный переход, — сказала Дейра.

В комнате стало слышно, как скребёт по карте колесико измерителя в руке Тесс.

Каэль привык, что после таких слов нужно подняться, подойти ближе, заставить собеседника посмотреть на знак Крайяна. Здесь это означало бы угрожать представителю другого мира в его собственном расчётном доме. И всё равно не дало бы ему того, чего он не умел.

Он остался сидеть.

— Назовите условия.

Велен подвинул к нему чистый лист.

— Сначала проверка ваших связей. Без отделения. Если собственный резерв удерживает форму, обучение начнём сразу. Если не удерживает — определим, чего не хватает. Местный запас не трогаем без нового согласования.

— Сколько займёт проверка?

— Час. Может, два. После отклика подвода обещать меньше не стану.

Тесс поставила колесико на стол.

— И никаких проб на общем канале. В отдельной ячейке.

Велен кивнул.

Каэль прочёл лист. Там были перечислены действия, границы обследования и право обновить его по собственному требованию. Отдельно говорилось, что доступ к родовым хранилищам не входит в служебное разрешение.

— Зачем здесь это?

— Потому что обследование проходит в старой части башни, — ответила Дейра. — Там несколько видов доступа. Ваш открывает один.

Каэль поставил подпись.

Велен забрал свой хлеб, вспомнил о нём только у двери и сунул в рот целиком. Тесс отвернулась к карте, пряча улыбку.

До нижнего яруса они спустились пешком. Велен шёл быстро, иногда касаясь стены в местах, где за прозрачной пластиной проходили световые полосы.

— Кристалл беспокоил раньше?

— До вчерашнего дня — нет.

— Боль, жар, посторонние ощущения?

Каэль помедлил, затем достал записку. Велен прочёл её на ходу и остановился у последней строки.

— Это не похоже на обычное перегревание.

— Поэтому я здесь.

— Вы здесь за быстрым входом в Мар-Ду. Это другое.

Он вернул лист без насмешки.

— Не уничтожайте записи. Даже если после проверки всё покажется очевидным.

Помещение внизу было круглым. В стенах располагались шесть глубоких ниш, из них работала только одна. Внутри стояло широкое кресло с опорами для рук и ног. Под сиденьем горел небольшой самостоятельный кристалл.

Велен закрыл за ними дверь, проверил три заслонки и поставил на стол отдельную чашу с водой.

— Снимите мешок. Оружие пока рядом, в ножнах.

Каэль разложил вещи на скамье. Когда расстёгивал плащ, Велен заметил движение плеча.

— Левая рука?

— Старая травма. Не относится к...

— Здесь всё относится к телу. Опору подниму выше.

Он переставил подлокотник. Каэль сел, чувствуя себя слишком большим для выемки, хотя места хватало.

Велен закрепил на запястьях два широких мягких ремня.

— Не удержание. На них обратные метки. Руки можно вынуть самому.

Каэль проверил. Правая вышла свободно, вместе с незатянутым концом. Он вернул её на место.

Кристалл положили на подставку у груди. Между ним и нижним источником протянулись четыре тонкие линии. Одна мерцала у самой кожи.

Велен записал показания.

— Это служебное закрепление формы. Позднее первоначальной связи.

— Договор защиты Эларии.

— Принимали сами?

— Да.

Велен кивнул, не делая выводов вслух. Проверил обратные метки, затем сдвинул маленькую пластину ближе к кристаллу.

Линия внутри камня дрогнула.

— Больно?

— Нет.

— А сейчас?

Каэль почувствовал слабый жар в ступнях.

— Останови.

Велен сразу убрал пластину.

Жар исчез.

Каэль продолжал ждать. Велен уже тянулся за пером.

— Всё?

— Вы же сказали остановить. Руку уберите с края, сейчас прищемлю.

Велен поставил отметку в журнале.

— Внутренний слой реагирует раньше наружного. Сегодня не будем его открывать. Для начальной подготовки достаточно понять, удерживает ли он вас.

— Что внутри?

— По этой пробе не скажу. И вскрывать незнакомое закрепление ради ответа не стану.

Он подошёл к скамье, где лежал кинжал.

— Теперь это. Можно?

Каэль кивнул.

Велен подложил под ножны плотную пластину и принёс их к креслу, не касаясь рукояти. Серебряные линии на стене повернули к подставке.

Он тихо выдохнул.

— Держите оружие сами. Только не вынимайте.

Каэль положил кинжал поперёк колен, охватив рукоять. Свет в нише стал белее. В глубине стены проступило углубление, прежде скрытое под ровной облицовкой.

Велен нажал на боковую пластину. Из соседнего помещения донёсся звон.

— Что это?

— Запрос архивного узла. На меня не отвечал ни разу.

— Ты проверял?

— Конечно.

На пороге появилась Дейра. За ней вошла Тесс, вытирая руки о платок.

Велен показал на углубление.

— Оружие. Потом совпадение с носителем. Без него линия остаётся закрытой.

Дейра подошла к стене и прочла возникшие знаки.

— Имя заявлено полностью?

— Каэль-Мор, — ответил он.

Она посмотрела на него уже без прежней сухой деловитости.

— Повторите, касаясь рукояти.

Он повторил.

Свет поднялся по стене. Появились две строки. Верхняя светилась ровно; нижняя ждала.

— Что там написано?

— Признание носителя сохранено, — сказала Дейра. — Проверка родственной линии не завершена.

Каэль посмотрел на кинжал.

— Моей?

— Того, кто держит. Капля крови на приёмную поверхность подтвердит или отвергнет совпадение. Это отдельное действие, оно не входило в ваш запрос.

Велен повернулся к нему:

— Можно прекратить здесь.

Каэль вспомнил вопрос Рема. Разрешено ли ему читать то, что он охраняет.

— Что откроется, если совпадёт?

— Семейное свидетельство. Остальные допуски останутся закрыты, — ответила Дейра.

Он протянул руку.

Велен дал тонкую иглу. Каэль проколол бок безымянного пальца и коснулся приёмной пластины. Капля растекалась внутри, не оставив следа на поверхности.

Нижняя строка загорелась.

Велен успел подвести опору под его затылок.

— Смотрите на меня. Если предложит идти, не...

Каэль не пошёл. Кресло осталось под ним, ремни — на запястьях. Но стены вдруг ото-двинулись слишком далеко, и лицо Велена стало маленьким, как отражение на дне глубокой чаши.

Он попытался вынуть руки из петель.

Не почувствовал их.

— Тело в ячейке, — донёсся голос. — Я здесь. Удерживайте...

Белизна закрыла комнату.

Каэль стоял на ровной поверхности. Под ногами не было ни тени, ни швов. Он опустил взгляд: сапоги, дорожная одежда, кинжал у бедра. Руки снова двигались.

Перед ним стоял старик.

Очень прямой, хотя возраст был заметен по шее и кистям. Седые волосы доходили до плеч. На длинном лице выделялись густые тёмные брови, а нос был слегка искривлён, словно когда-то сросся после перелома. Старик смотрел не на Каэля, а на светлую запись между ними.

Провёл пальцем вдоль последней строки.

— Мор, — прочёл он.

Поднял глаза.

— Назови, с чем пришёл.

Глава шестая

Память рода

Каэль отступил на шаг.

Подосва не издала звука. Старик остался на месте, не пытаясь приблизиться.

— Где выход?

— Там, где ты его оставил.

Каэль положил руку на кинжал.

— Покажи.

Старик посмотрел ему за плечо. В белизне возник тонкий прямоугольник. За ним было видно кресло, а в кресле — человека с запрокинутой головой.

Каэль узнал собственную рубаху. Ворот приподнялся над цепочкой кристалла; левая рука лежала выше правой. Возле кресла двигался Велен.

— Это сейчас?

— То, что передаёт приёмная ячейка. Не отворачивайся, если хочешь вернуться. Вспомни, как лежат руки, и постарайся снова почувствовать их.

Каэль уставился на свои пальцы. Несколько мгновений они казались чужими, затем запульсировал прокол на безымянном. Белая поверхность под ногами качнулась.

Он перестал тянуться к креслу.

Прямоугольник остался открытым.

— Кто ты?

— Каэль-Ардан. Здесь сохранена часть моей памяти и способ отвечать на вопросы.

— Человек?

— Человек, с которого это сняли, умер.

Каэль снова взглянул на кресло.

— Ты можешь удержать меня здесь?

— Пока внешняя опора принимает твой запрос. Разорвать её или запретить возврат я не могу. Управление у того, кто остался с твоим телом.

Каэль убрал руку с рукояти, но не отошёл от видимого выхода.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Ардан указал на запись между ними.

Каэль приблизился. Буквы больше не плыли. Наверху стояло имя старика, ниже расходились несколько ветвей. Одна была ярче других. Он прочёл: Фир. Лор. Вар. Мор.

Последнее имя ещё дописывалось.

— Это принёс ключ, — сказал Ардан. — И подтвердило твоё тело. Условия допуска завершены.

— Ты знал, что я приду?

— Нет.

— Но ждал.

— Я не был здесь до твоего входа в том смысле, в каком ты это понимаешь. Разговор начинается, когда к записи обращаются.

Каэль попытался представить промежуток, в котором старик не сидел, не думал, не смотрел в белизну. Не получилось.

— Тогда что ты обо мне знаешь?

— Заявленное имя. Совпавшую линию происхождения. Сохранённое признание оружия. То, что ты уже сказал. Больше ничего.

Он поднял руку, и часть записи погасла, оставив пять имён.

— Здесь нет твоей жизни.

Каэль прочёл их ещё раз. Вар. Имя задело что-то, но не развернулось в воспоминание. На миг возникло ощущение тяжёлой ладони между лопатками — и исчезло прежде, чем он успел понять, было ли оно настоящим.

— Где моя мать?

Вопрос вышел сам. Каэль нахмурился, словно произнёс его кто-то другой.

Ардан не стал разглядывать его внимательнее.

— Я не знаю.

— Жива?

— Этого тоже не знаю. Моя память заканчивается раньше её рождения.

Каэль отвернулся к прямоугольнику. Велен наклонился над подставкой и что-то поправил. Отсюда не было слышно слов.

— Мне нужно отделять сознание без потери тела, — сказал Каэль. — Для входа в Мар-Ду.

— Куда ты намерен вернуться?

— В тело. Я только что сказал.

— Для первого действия этого достаточно. Для всего пути — нет. Долго удерживать пустую форму должен кто-то снаружи. И собственная связь обязана выдержать нагрузку без чужого источника. С этим пришёл?

— За техникой.

— Её покажу. Но сначала нужно установить, что ты называешь собой.

Каэль сжал челюсти.

— Каэль-Мор. Служба Элории. Допуск на...

— Я вижу допуск. Он описывает, что тебе разрешено делать. Сейчас ты не можешь сделать ничего из перечисленного, однако продолжаешь существовать.

— Обойдёмся без загадок.

Ардан чуть склонил голову.

— Хорошо. Вспомни место, где узнаешь собственную руку прежде, чем увидишь лицо.

Каэль подумал о комнате. Стол, чаша, прорезь в деревянном крае, за которую вчера зацепилась цепочка. Его пальцы на ремне ножен.

На белой поверхности проступила тёмная линия. Возник угол стола. Каэль потянулся к нему, но линия распалась.

— Ты сразу попытался заставить её держаться, — сказал Ардан. — Пока только узнай.

— Я узнал.

— И решил, что недостаточно быстро.

Каэль посмотрел на него. Старик не улыбался, но складка у рта стала глубже.

— Здесь все разговаривают так?

— Я не знаю, как здесь разговаривают теперь.

Ответ был настолько буквальным, что Каэль невольно выдохнул через нос. Почти смех.

Ардан повернулся к семейной записи.

— Есть другой способ начать. Ты пришёл по этой линии. Можно посмотреть то, что в ней сохранено. Не чтобы вспомнить чужую жизнь своей, а чтобы перестать принимать пустое место за отсутствие прошлого.

— Сколько времени это займёт?

— Несколько доступных эпизодов. Ты можешь остановить.

Каэль проверил, что кресло всё ещё видно.

— Покажи.

Сначала появился запах еды.

Он был настолько неуместен, что Каэль оглянулся. Потом под ногами проступили широкие серые плиты, слева заблестела вода, а над головой натянулся полотняный навес. Ветер шевелил его край, отбрасывая на стол подвижную тень.

За столом сидела женщина с закатанными рукавами. Она разламывала большую круглую лепёшку, начинённую зеленью. Из середины выходил пар. Вторая лепёшка была подгоревшей; женщина повернула её обугленной стороной вниз и огляделась, проверяя, заметил ли кто.

Рядом кто-то засмеялся.

— Я вижу, — сказал молодой мужской голос.

— Тогда бери именно эту. У тебя хорошее зрение.

Мужчина протянул руку, и Каэль узнал её форму прежде, чем увидел лицо: длинные пальцы Ардана, только без узловатых суставов. Молодой Ардан отломил кусок, обжёгся и поспешно положил обратно.

Женщина рассмеялась.

Из-под стола вылез мальчик. Лет шести, с тёмными волосами, взъерошенными на макушке. Он держал деревянную лодочку с криво установленным парусом.

— Она не плавёт.

— Ты её на столе проверял? — спросила женщина.

— В воде.

— Тогда надо спросить воду.

Мальчик подумал, сердито посмотрел на мать и повернулся к отцу.

Ардан взял лодочку. Повернул боком, заглянул под парус.

— Вот это что?

— Груз.

В днище была вдавлена тяжёлая гайка.

— Зачем?

— Чтобы не унесло далеко.

— Поэтому и тонет.

Мальчик вытащил гайку и протянул матери, словно она могла пригодиться в начинке. Та приняла её с таким серьёзным видом, что Каэль улыбнулся прежде, чем успел заметить.

На краю навеса заиграли. Несколько человек сидели у канала; один перебирал струны маленького инструмента, другой отбивал ритм по перевёрнутой чаше. Мелодия сбивалась. Женщина за столом дважды пыталась подпеть, потом махнула рукой.

Мальчик убежал к воде.

— Каэль-Фир! Только с верхней ступени!

Он оглянулся, уже стоя на нижней.

Ардан поднялся. Мальчик быстро переставил одну ногу выше, как будто это всё меняло. Отец спустился к нему, присел рядом и помог опустить лодочку в канал.

Она поплыла боком. Потом поймала течение и выровнялась.

Каэль шагнул следом.

Плита под его сапогом не ответила весом. Он был в сцене, но рядом с мальчиком для него не нашлось места. Лодочка прошла сквозь край его тени, которой тоже не было.

Картина остановилась.

Старый Ардан стоял возле навеса.

— Это твой сын?

— Да.

— Ты помнишь всё вот так?

— Нет. Этот день я сохранил отдельно. Некоторые другие тоже. Остальное осталось рассказами и записями. Не всё одинаково точно.

Каэль посмотрел на застывшую женщину. В руке у неё была тяжёлая гайка. Она так и не положила её на стол.

— Почему этот?

Ардан помолчал.

— Он впервые сделал что-то, что уплыло без него. Потом всю дорогу спрашивал, где лодка теперь.

Навес исчез.

В следующем эпизоде Фир был взрослым. Он стоял в маленькой комнате на коленях перед открытым мешком и пытался уложить в него слишком большую коробку.

Та же женщина сидела на краю кровати, подшивая рукав дорожной рубахи. Волосы у её висков поседели. Молодой Ардан — теперь уже не молодой — держал возле двери второй мешок.

— Оставь коробку, — сказал он.

— Там инструменты.

— Возьмёшь другие.

— Мне нужны эти.

Фир надавил на крышку. Один из углов зацепился за ткань, и мешок затрещал.

Женщина подняла голову.

— Ещё раз так сделаешь — понесёшь вещи в руках.

Из коридора вошла незнакомая девушка с тёмной косой. Каэль заметил, как она остановилась, увидев всех троих. Подол её одежды был расшит иначе, чем здесь: тёмные нити складывались в неровные красные полосы.

— Я могу унести коробку, — сказала она.

Фир выпрямился и сразу ударился плечом об открытое окно.

— Осторожнее, — одновременно произнесли мать и девушка.

Обе замолчали. Потом мать впервые за весь эпизод улыбнулась и подвинулась на кровати, освобождая место.

Каэль ждал объяснения, но запись продолжалась.

Фир расстегнул на шее плоский знак и положил на стол. Ардан посмотрел на него.

— Это не обязательно делать сегодня.

— Завтра нас здесь не будет.

— Ты можешь уехать, сохранив право вернуться.

— Вернуться могу. Заставлять её ждать разрешения каждый раз — не хочу.

Девушка опустила глаза. Фир подошёл к ней, коснулся пальцами плеча.

Ардан поставил мешок.

— Если ты отказываешься от места, следующий не обязан будет принять твои условия.

— Я знаю.

— Сейчас тебе кажется, что знаешь.

Мать Фира обрезала нить и сложила рубаху. Несколько мгновений никто не говорил.

— Она готова, — сказала она наконец. — Примерь.

Фир хотел возразить, но взял рубаху. Рукава оказались немного длинны.

— Подвернёшь, — сказала мать. — Потом укоротишь сам.

Последний эпизод был у арки. Не у той, через которую Каэль вошёл утром: опоры здесь стояли дальше друг от друга, над порогом висел другой знак. За проходом шевелился красноватый воздух.

Коробку всё-таки нёс Фир.

Его мать поправила ему ворот. Потом крепко обняла, прижав лицо к груди. Отпустив сына, обняла девушку — сначала неловко, словно не знала, можно ли, затем уже обеими руками.

Ардан держался чуть в стороне.

Фир подошёл к нему.

— Я буду писать.

— Пиши матери.

— Тебе тоже.

Ардан взял коробку, поставил на землю и только потом обнял сына. На этой части запись дрогнула. Каэль уже не видел лиц: только руку на затылке Фира и другую, сжавшую складку его дорожной одежды.

Когда они разошлись, Ардан первым наклонился за коробкой.

— Дно перевяжи, — сказал он. — У тебя нижняя планка отходит.

Фир кивнул.

Каэль коснулся крепления собственных ножен. Память о Ваэре возникла так неожиданно, что он пропустил момент, когда двое вошли в арку.

Красноватый воздух сомкнулся. Родители остались по эту сторону.

Женщина стояла, прижав ладонь к шее. Ардан поднял с камня обрывок верёвки, который выпал при укладке, и намотал на пальцы.

Белизна вернулась не сразу. Ещё несколько мгновений под ногами Каэля оставалась плитка, затем исчезла и она.

— Куда они ушли?

— В Файрэль. Там жила её семья.

— И он больше не вернулся?

— При моей жизни — нет. Письма приходили. Несколько я сохранил.

Каэль взглянул на имена.

— Фир. Лор. Вар. Мор. Значит, он...

— Мой сын. Остальные связи внесены потом. Я могу прочесть их, но не рассказать о людях, которых не встречал.

— Откуда они внесены?

— Каждое признание родового носителя оставляет запись. Она соединяется с архивом, когда ключ возвращается к узлу. Тот, кто ведёт ячейку снаружи, может проверить время и происхождение отметок.

Каэль положил ладонь на рукоять.

— Это всё из него?

— Линия допусков — да. Твоя кровь подтвердила соответствие. Одного украденного оружия было бы недостаточно.

Он подумал о тёмной рукояти, которая много лет казалась просто привычной вещью. Где-то внутри неё оставалось то, чего не было в его собственной памяти.

— Ты правил здесь?

— В своё время.

— Тогда почему твой сын ушёл?

Ардан посмотрел туда, где только что была арка.

— Потому что возможность оставаться со мной стоила ему разлуки с человеком, которого он выбрал. Я долго считал, что этого недостаточно для отказа от долга.

— А потом?

— Потом он всё равно уехал.

Каэль ждал продолжения. Старик его не предложил.

— Значит, я наследник.

— Ты получил доступ к наследству. Что с ним делать, решают живые. Я не могу приказывать им подчиняться тебе.

— И что мне с этим делать?

— Со мной не посоветуешься, — ответил Ардан. — Я даже не знаю, цел ли дом. Каэль снова взглянул туда, где мальчик пускал лодку.

В прямоугольнике над креслом вспыхнула жёлтая полоса.

Ардан сразу повернулся к ней.

— Внешний хранитель предупреждает о нагрузке. Начнём упражнение, остальное останется в архиве.

— Я смогу вернуться?

— Если ячейка будет доступна и твоё состояние позволит.

Каэль отошёл от семейной записи. На нижней ветви оставалось его имя.

— Что делать?

— Выбери одно ощущение тела, которое сохранилось здесь.

Он подумал о проколоте пальце.

Боль сразу стала заметнее.

— Есть.

— Не усиливай. Позволь ей быть. Теперь назови себя без должности.

— Каэль-Мор.

— Ещё раз. Не мне.

Каэль повторил мысленно. Белизна не изменилась. Указательный палец сам потянулся к большому, как при проверке рукоятки; он остановил движение.

— Ты помнишь порядок звуков, — сказал Ардан. — Попробуй удержать, к кому они относятся, когда перестанешь видеть руку.

Пальцы Каэля побледнели.

Он сжал кулак. Рука исчезла до запястья.

— Не сжимай.

Каэль попытался разжать то, чего не видел. Вместо руки из белизны выступил край эларийского стола. Затем — раскалённая плита. Жар ударил снизу, и он отступил.

— Не туда, — сказал Ардан. — Вернись к ощущению, которое выбрал сам.

Каэль искал прокол. Не находил.

Жар поднялся по ногам. Возникла тяжесть у груди, потом голос Крайяна: «Я рассчитываю на тебя». Он ухватился за знакомое, и несколько мгновений тело снова имело границы.

Ардан покачал головой.

— Чужой голос может помочь найти обратный путь. Но сейчас за него держится всё. Попробуй без него.

Каэль замолчал внутри себя.

Сразу стало страшно.

Не как перед ударом или падением. Он просто перестал быть уверенным, что после следующего движения останется тот, кто это движение начал. Кинжал исчез. Одежда тоже. Осталась точка боли в пальце — наконец нашлась, слабая, почти бесполезная.

Он удержал её.

— Каэль-Мор, — произнёс, не слыша голоса.

На мгновение вернулась ладонь.

Ардан наклонил голову.

— Вот. Теперь не прибавляй...

Каэль потянулся к ней слишком резко.

Пол провалился.

Он вдохнул и закашлялся. Кто-то поддерживал его затылок, другая рука удерживала чашу возле губ. Вода попала на подбородок и за ворот.

— Медленно, — сказал Велен. — Сначала выдохни.

Каэль попытался сесть. Ремни на запястьях оказались свободными; он дёрнул их, хотя мог просто вынуть руки.

— Где он?

— Архив закрыл сеанс. Ты в ячейке.

— Я видел...

Он замолчал. Навес, мальчик с лодкой, женщина, принимавшая гайку. Всё было рядом, но если попытаться рассказать подряд, часть исчезала между словами.

— Не торопись, — сказал Велен.

Каэль упёрся ногами в пол. Дейра стояла у стены; Тесс держала ладонь на отдельном источнике под креслом.

— Сколько прошло?

— Двадцать семь минут. Через двенадцать я дал предупреждение. На упражнении нагрузка выросла, пришлось закончить.

— Ты меня вытащил?

— Да. Обратные метки сработали.

Каэль наклонился, опираясь локтями на колени. Вода с волос упала на пол: Велен, должно быть, успел намочить ему лоб. Плечо ныло, зато пальцы слушались.

— Я не всё помню.

Велен подвинул стул и сел напротив.

— За полчаса ты получил несколько чужих переживаний и попытался сменить состояние. Не пересказывай сейчас целиком. Назови то, что удержалось.

— Мальчик. Лодка с грузом. Он вынул груз, и она поплыла.

— Ещё?

— Фир. Его звали Фир. Он ушёл с женой.

Велен записал.

— Это остаётся в архиве. Когда восстановишься, можно сопоставить со свидетельствами. Ничего не надо выдумывать между тем, что помнишь.

Каэль поднял голову.

— Ардан сказал, там есть письма.

— Значит, запросим перечень.

— Мне дадут?

Велен посмотрел на Дейру.

— Личные свидетельства по подтверждённой линии — да, — ответила она. — Доступ к действующим механизмам обсуждается отдельно.

Она положила перед Каэлем маленькую пластину. На ней повторялись пять имён, которые он видел внутри. Внизу стояли отметки ячейки и двоих свидетелей.

— Это можно проверить, — сказала Дейра. — Сохраните.

Каэль взял пластину. Металл был прохладным и настоящим. Он провёл пальцем по последнему имени.

— Упражнение? — напомнил Велен.

— Одно ощущение. Имя без службы. Не пытаться сразу удержать всё.

— Сегодня только в теле. С открытыми глазами. Если снова появится жар — прекращай. До закрепления в Файрэле отдельный выход не повторять.

Тесс убрала ладонь с источника.

— Воду ещё дать?

Каэль кивнул.

Он выпил, на этот раз не пролив. Потом долго застёгивал плащ: пальцы уже слушались, но не хотелось делать ничего быстро.

Велен проводил его в маленькую комнату для отдыха. Там стояла узкая кровать, на подоконнике лежало сложенное одеяло. За окном шумела вода.

— Поесть принесут. На лестницу пока не выходи один. Если станет хуже — шнур у двери.

Он собирался уйти, но Каэль остановил его:

— Лодка. Её можно будет снова посмотреть?

Велен не спросил зачем.

— Если запись сохранилась в перечне — можно.

Каэль остался у окна. На другом берегу женщина снимала со шнура детские рубашки. Одна упала, она наклонилась за ней и позвала кого-то в доме.

Он положил родовую пластину на подоконник рядом с допуском Крайяна. Два небольших предмета почти одинакового размера. Ни один не объяснял, что делать дальше.

Каэль коснулся прокола на пальце.

— Каэль-Мор, — сказал негромко.

Снаружи кто-то смеялся. Имя осталось с ним, даже когда он перестал его произносить.

* * *

Внизу Велен заполнял итоговый лист. Дейра стояла рядом, читая через его плечо.

— «Признан наследник линии», — произнесла она. — Эта формула уйдёт в общий свод?

— Если отправить как есть.

— Не отправляй.

Велен положил перо.

— Подменять результат я не буду.

— Я прошу закрыть доступ до отдельного слушания. Результат оставь полностью. Ему копию мы дали.

Тесс, задержавшаяся у двери, повернулась.

— Крайян всё равно узнает от него.

— Возможно, — сказала Дейра. — Но одно дело — его рассказ, другое — наше официальное признание, с которым можно потребовать доступ к старым узлам. Сначала выясним, какие права сохранились и кто отвечает за их применение.

— Он едва в кресле усидел, Дейра. Оставь до утра хотя бы его имя.

Дейра опустила глаза на лист.

— Я видела и подпись под договором Элории.

Она поставила возле записи отметку ограниченного доступа, оставив строку о наследнике нетронутой.

Глава седьмая

Пустое небо

К утру прокол на пальце перестал болеть, и упражнение стало труднее.

Каэль сидел на кровати, положив руки на колени. Он пробовал удерживать собственное имя, пока смотрел на узор пола, на оконную защёлку, на полосу воды за стеклом. Если начал следить за отражением моста, имя превращалось в обычный звук и больше ни к чему не привязывалось.

Велен застал его с закрытыми глазами.

— Я просил не так.

Каэль открыл их.

— Ничего не происходит.

— Поэтому и нужно учиться, пока ничего не происходит.

Он поставил на стол чашку и свёрток. В свёртке были два мягких хлебца и сыр.

— Это в дорогу. Измерения хорошие. Голова не кружится?

— Нет.

Велен подал ему плоскую карточку с тремя короткими строками.

— Порядок подготовки. Мой знак для того, кто будет закреплять форму в Файрэле. И описание реакции камня. На словах не пересказывай, пусть прочтёт.

— Где его найти?

— На нижних площадках Изранна есть дом огненной опоры. Там либо займутся сами, либо укажут действующего мастера. Дальше этого я обещать не могу.

Каэль прочёл карточку. В конце стояло: «Самостоятельное отделение не допущено».

— Когда эту строку снимут?

— Когда сможешь вернуться без того, чтобы тебя вытаскивали. Не раньше.

Велен потянулся к чашке, обнаружил, что принёс её Каэлю, и убрал руку.

— Ещё одно. Вчера ты спросил про лодку. Запись есть в перечне. Она останется здесь.

Каэль кивнул.

После его ухода он съел один хлебец, второй завернул заново. Родовую пластину положил во внутренний карман, рядом с собственными заметками. В служебном донесении о проверке он сообщил об открытии семейного архива и необходимости закрепления, но не перечислял увиденные домашние сцены. Формула из заключения Велена была достаточно ясной: родственник допуск подтверждён, работа с действующими узлами не разрешена.

На выходе никто не стал расспрашивать его о происхождении. Женщина у рамы сняла временную метку, проверила номер и пожелала не застрять на Аллее. Он ответил коротким кивком.

Переход занял несколько шагов. Холод охватил ноги, потом отпустил. Через прозрачный слой опоры Каэль увидел знакомый навес и зрителя, переговаривавшегося с утренней сменой.

На центре Аллеи всё ещё лежала его печать.

Он проверил её с края. Поверхность не была тронута; вода в углублении успела высохнуть. Подвод закрепили новой металлической полосой. Молодого рабочего не было, женщина с седыми волосами собирала обрезки в ведро.

— Держится? — спросил Каэль.

Она подняла голову.

— Пока да. Плиту обещали к следующей неделе.

Смотритель принёс ему ответ из Эларии: маршрут одобрен, связь через пограничные дома, дальнейший доклад после подготовки. Отдельных вопросов об архиве не было. Каэль убрал лист вместе с предыдущим.

У арки Файрэля стоял человек с обожжённым краем кожаного фартука. На низкой скамье рядом с ним лежали три входных знака. Он не протянул руку за допуском, пока Каэль не остановился за тёмной полосой на камне.

— Вещи с живым закреплением есть?

— Кристалл. Оружие.

— Покажите.

Смотритель арки осмотрел их, не касаясь. Возле кинжала задержался чуть дольше, затем поднёс знак к кристаллу. По краю вспыхнула синяя полоска.

— Форма эларийская. Раньше проходили?

— Не помню.

Человек поднял глаза. Они были светлые, воспалённые от жара.

— Это не то же самое, что «нет».

— Другого ответа у меня нет.

Он проверил допуск и вернул.

— На пороге не пытайтесь удержать всё сразу. Внешнее закрепление выровняем здесь. Если почувствуете рывок — остановитесь. Не продавливайте его.

Каэль взглянул на арку. По внутреннему краю шли красные крупинки, как вчера. Только теперь, когда смотритель поднял знак, между ними возникли тёмные промежутки, образовавшие узкую дорожку.

— Вещи ближе к телу. Плащ застегните.

Каэль подтянул мешок, проверил ножны и шагнул.

Первый порыв был горячим, но терпимым. Второй вошёл под кожу. Кристалл на груди стал холодным; от него разошлась знакомая тяжесть, с которой тело выдерживало эларийские защитные линии.

Каэль усилил её по привычке.

Жар ударил в ответ.

Ноги подкосились. Он опустился на одно колено, успев поставить ладонь на камень. Смотритель говорил что-то сзади, но слова терялись в шуме крови.

Кожа на тыльной стороне руки потемнела. По ней пошли мелкие жёсткие грани, заходившие одна на другую. Каэль провёл большим пальцем по запястью — поверхность была шероховатой, чужой.

Он попытался вернуть привычную форму.

Боль прошла руку до плеча.

— Не зажимайте! — услышал он наконец. — Дайте внешней линии ослабнуть!

Легко сказать. Ослабить закрепление после того, что случилось у Мар-Ду, означало снова позволить телу потерять края. Каэль смотрел на руку и не мог решить, что из двух опаснее.

У основания большого пальца оставался его старый шрам. Под тёмными гранями — всё ещё различимый.

Он сосредоточился на нём.

Каэль-Мор.

Не стал добавлять усилие к кристаллу. Только перестал требовать, чтобы холод перекрыл огонь.

Напор изменился.

Жар остался, но теперь двигался свободнее, не застревал в суставе. Жёсткие пластины поднялись к локтю и остановились. Каэль сделал вдох. Лёгкие больше не обжигало.

— Теперь стойте, — сказал смотритель. — Не идите, пока не пройдёт.

Каэль поднялся, держась за опору. Тёмная поверхность медленно выровнялась. Вместо чешуи снова показалась кожа, влажная от пота. На запястье осталось небольшое покраснение.

По другую сторону арки смотритель проверил его ладони.

— Местная связь. Старая.

— Что произошло?

— Вход распознал тело раньше, чем вы позволили ему ответить. А закрепление тянуло обратно.

Он поднёс знак к груди Каэля. Синяя линия уже не спорила с красным отблеском, а лежала под ним ровно.

— До проверки у мастера ничего не снимайте. Теперь пройдёте. И воды выпейте.

Каэль убрал руки.

— Это была чешуя.

Смотритель взглянул на него внимательнее.

— Да.

Он произнёс это как очевидную вещь. Каэль хотел спросить ещё, но за аркой уже ждали двое носильщиков. Один осторожно переставлял тяжёлую бочку с плеча на подставку.

— Дом опоры — вниз от центральной площади, — добавил смотритель. — Слева от водосброса.

Каэль вышел на открытый камень.

Небо было огромным.

В Элории взгляд всегда встречал мост, галерею, верхний поток. В Каэльдане его дробили крыши и отражения в воде. Здесь над головой не было ничего, кроме светлого пространства с красноватой полосой вдали. Солнца Каэль не увидел, но лицо сразу нагрелось.

Он поднял голову, ожидая движения.

В детских записях, в пограничных схемах, даже в кратких описаниях Файрэля всегда были драконы. Они поднимались с площадок, проходили над разломами, переносили грузы, которые не выдерживали обычные мосты. Каэль знал размеры воздушных коридоров и расстояние, на котором человеку полагалось отойти от посадочного края.

Над Изранным никто не летел.

Внизу, на широкой улице, спорили двое мужчин. Между ними стояла телега с камнем. Один показывал на отколотый угол плиты, второй — на обвязку, которой её притянули к бортам. Девочка с ведром обошла их, не оборачиваясь.

Каэль спустился к питьевому желобу. Вода шла тонкой струёй из глубины стены, была тёплой и слегка горькой. Он напился, умыл лицо, промочил край ткани и приложил к запястью.

За его спиной хрустнуло. Мальчишка на ступенях разломил орех, зажав его между двумя камнями. Кожура разлетелась в стороны. Женщина из окна велела ему собрать всё до последней скорлупки.

Каэль снова посмотрел вверх.

Ничего.

Он пошёл к центральной площади. Уличный камень был тёплым даже в тени. На поворотах в кладке оставляли широкие отверстия, откуда выходил горячий воздух; над ними сушили травы и мокрые тряпки. Возле одного женщина подогревала в железной чаше густую еду, время от времени помешивая ложкой.

Двое рабочих обедали прямо на ступенях. Один снял сапог, вытряхнул песок и поставил ступню рядом с миской. Второй рассказывал что-то, рисуя хлебом в воздухе.

Дальше улица расширялась слишком сильно. Между домами образовалось пустое пространство с пологими съездами. В центре стояла сухая чаша, по краям которой темнели четыре глубокие выемки. Каэль остановился возле одной. В камне тянулись параллельные борозды, шире его пальцев.

Лапы.

Он представил вес тела, для которого строили эту площадь. Поворот шеи над крышами, размах крыла, горячий выдох. Люди должны были проходить под ним, не прячась. Знать, кто опустился, ещё до того, как тот принял человеческий облик.

Теперь в одной из выемок росла жёсткая трава.

Вдоль площадки тянулись высокие ворота с открытым верхом для складывающихся крыльев. Каэль пошёл мимо них, прислушиваясь: за одними скрипела лебёдка, за другими было тихо.

Первые ворота были заперты, вторые приоткрыты. Внутри женщина длинной щёткой вычищала песок из стыка плит. Она работала в тёмном переднике, подвязав юбку выше щиколоток. На открытых предплечьях блестел пот.

Каэль остановился у порога.

— Площадкой пользуются?

Женщина выпрямилась.

— Если ищешь, где оставить груз, иди к нижним складам.

— Я спрашиваю о посадках.

Она опустила щётку.

— Пока нет.

— Когда вернутся?

— После службы.

Её ответ прозвучал привычно, как фраза, которую приходилось повторять каждый раз. Каэль посмотрел на углубления вдоль стены. В них лежали аккуратно свернутые крепёжные ремни. На одном роскошно сверкала новая пряжка.

— Все на службе?

— Кто ушёл. Кто нет — давно не летает над городом.

— Почему?

Женщина провела рукавом по лбу.

— Ты к кому пришёл?

Каэль показал допуск.

Она не взяла его в руки. Вместо этого посмотрела на лицо Каэля, сначала рассеянно, затем пристальнее.

— Подожди.

Он спрятал знак.

Женщина сделала шаг. Щётка соскользнула с опоры и ударилась о пол, но она не оглянулась.

— Повернись к свету.

Каэль остался на месте.

Она сама подошла сбоку. У неё был крупный нос, обветренные губы и глаза разного размера: левое веко слегка опускалось. Взгляд остановился на его левой брови, потом на глазах.

— Каэль?

Он напрягся.

— Откуда знаешь имя?

Женщина подняла ладонь к его плечу. Каэль перехватил запястье прежде, чем она коснулась плаща.

Она замерла. Сжатыми пальцами он чувствовал мелкие косточки и быстрый пульс.

— Не трогай меня.

Женщина посмотрела на его руку.

Каэль отпустил.

— Ты не помнишь, — сказала она.

Это было утверждение, не вопрос. Он отступил, возвращая между ними расстояние.

— Что именно?

— Мы жили через дом. Ты с мальчишками таскал у меня сухие ветки для костра. Я думала, ты хотя бы...

Она замолчала. Каэль увидел, как меняется её лицо: радость не исчезла, но теперь ей некуда было деться.

— Кто сказал, что я здесь был?

— Никто не говорил. Я сама видела, как ты рос.

Из ворот напротив вышел мужчина с двумя ремнями через плечо. Услышав разговор, остановился. Женщина повернулась к нему.

— Позови Гиана. Он у верхней телеги.

— Зачем?

— Просто позови.

Каэль шагнул в сторону, чтобы видеть обоих.

— Я не останусь здесь ждать.

Женщина снова посмотрела ему в лицо.

— Твоя мать ждала девятнадцать лет. Несколько минут ты можешь.

У него пересохло во рту.

— Она здесь?

— Здесь.

— Жива?

Женщина взялась за край передника.

— Да. Жива.

Каэль хотел спросить адрес. Вместо этого посмотрел на собственную ладонь, которой только что сжимал её запястье. Кожа была обычной. Ни чешуи, ни признака того, что она принадлежит кому-то из этого города.

Мужчина у телеги уже кого-то окликал.

Через площадь бежал человек. Высокий, почти с Каэля, но легче в движении; тёмно-каштановые волосы завивались на затылке, выбиваясь из короткой перевязи. На нём была рубаша с закатанными рукавами и рабочий жилет, застёгнутый только на нижнюю пуговицу.

Он резко остановился в двух шагах.

Улыбка появилась не сразу.

— Да чтоб тебя, — сказал он тихо.

Каэль узнал в его голосе радость. Причины этой радости он не чувствовал.

Мужчина шагнул к нему, но заметил положение руки у пояса и остановился. У него были карие глаза с золотистыми вкраплениями, прямые брови и маленькая выщербина на переднем зубе, видимая, когда он улыбался.

— Гиан, — сказал он. — Мы...

— Он не помнит, — предупредила женщина.

Улыбка стала меньше.

— Совсем?

Каэль пожалел, что не ушёл к дому опоры сразу. Теперь каждый следующий человек собирался смотреть на него так, будто он лично отнял что-то у них обоих.

— Мне нужен адрес.

Гиан кивнул.

— Конечно. Я провожу.

— Назови улицу.

— Верхний склон, за водяным домом. Но там нижний мост закрыт. Лучше покажу.

Каэль посмотрел на склон. Снизу не было видно, который из мостов закрыт.

— Идём.

Гиан снял с плеча ремень и отдал женщине.

— Телегу до вечера оставлю у ворот.

— Оставляй.

Она подняла щётку и отошла, освобождая проход. Каэль посмотрел на её запястье. Краснота уже спадала.

— Я не знал, — сказал он.

Женщина кивнула, не делая вид, что не поняла.

Гиан пошёл рядом. Первое время он говорил слишком много: где перекрыли улицу, почему на площади пустая чаша, что после обвала пришлось перенести торговые ряды. Каэль слушал только то, что касалось дороги.

На лестнице он заранее шагнул левее выбитого камня.

Гиан заметил.

— Ты здесь всегда...

Он оборвал себя, но поздно.

Каэль остановился.

— Я вижу ступень.

— Да. Конечно.

Дальше поднялись молча. У верхней площадки Гиан снял перевязь с волос и снова затянул её, пряча под неё выбившиеся пряди. На правом предплечье у него шёл старый узкий ожог.

— Тебе было десять, — сказал он наконец. — Мне одиннадцать. Я понимаю, что сейчас мы не...

Он махнул рукой, отказавшись от окончания.

Каэль продолжал смотреть вперёд.

— Она знает, что я могу ничего не вспомнить?

— Не знаю.

Ответ был честным и потому неприятным.

— Ей сообщали, где я?

Гиан посмотрел на него сбоку.

— Она писала в Эларию. Много раз. Не все письма принимали.

Каэль вспомнил, как легко проходил мимо очереди у нижней тюрьмы. Он ни разу не спросил, какие бумаги оставались у тех, кого не пропускали дальше дежурного стола.

— Я их не получал.

— Я не говорю, что получал.

На повороте пахло горячей пылью и горькой травой. Каэль выбрал правый проход, не дожидаясь указания. Гиан ничего не сказал, только ускорил шаг, чтобы остаться рядом.

Дом стоял за низкой оградой. Над крышей поднимались голые ветви дерева; на одной висела старая верёвка, уже вросшая в кору. Вдоль дорожки росли жёсткие кусты, у порога стояло ведро с водой.

Каэль остановился у калитки.

Гиан не стал открывать её за него.

Изнутри донёсся скрип отодвигаемого стула. Кто-то прошёл по комнате, поставил на стол тяжёлый предмет. Обычные звуки дома, в котором никто ещё не знал, что он стоит снаружи.

Каэль протянул руку к задвижке и убрал.

— Как её зовут?

Гиан повернулся к нему.

— Мать, — уточнил Каэль.

Несколько мгновений тот не отвечал.

— Лира.

Каэль повторил имя про себя. Оно не вызвало ничего, кроме страха, что сейчас дверь откроется и женщина это увидит.

Глава восьмая

Чужой сын

Ли́ра открыла прежде, чем он постучал второй раз.

Сначала посмотрела на Гиана, стоявшего у калитки. Потом — на человека перед собой. Каэль видел, как её взгляд поднимается от дорожного мешка к плечам, задерживается на лице.

В руке у неё была мокрая ложка.

— Каэль?

Он успел кивнуть.

Ложка упала на порог. Ли́ра шагнула вперёд и обняла его так крепко, что он отступил, упершись каблуком в край ступени. Рука сама легла на ножны. Лево́й он придержал её за локоть, чтобы не потерять равновесие.

Она прижималась лицом к его груди. Он чувствовал её дыхание через рубаху, короткое и неровное. От волос пахло дымом и горькой травой, которую он заметил по дороге.

— Подожди, — сказал он.

Ли́ра отстранилась не сразу. Сначала разжала пальцы на спине, потом подняла голову.

Это была женщина лет пятидесяти с длинными тёмными волосами, собранными на затылке. Седина шла от висков тонкими прядями и терялась в плетении. На скулах кожа потемнела от солнца, под карими глазами лежали глубокие складки. Левую бровь чуть перетягивал старый маленький шрам.

Каэль пытался найти в её лице хоть что-нибудь, что принадлежало бы его памяти.

Ли́ра посмотрела на руку у ножен.

Он убрал её.

— Заходи, — сказала она.

Голос был почти обычным. Только последнее слово не получилось закончить с первого раза.

Снаружи Гиан кашлянул.

— Я потом зайду, Ли́ра.

Она словно только сейчас вспомнила, что он тоже здесь.

— Да. Спасибо. Подожди, ты...

— Всё хорошо.

Он поднял с дорожки ложку, положил на выступ у двери и закрыл за собой калитку.

Каэль вошёл.

Прихожая была короткой. Слева стояли два низких сундука, справа висели рабочие накидки. Над одной сохранился пустой крючок. Дальше открывалась комната с большим столом, печью и окном во двор.

Он сразу отметил заднюю дверь. Между ней и столом хватало места для прохода. Окно было достаточно широким, но под подоконником стоял тяжёлый ящик с рассадой.

Ли́ра закрыла входную дверь и остановилась рядом.

— Плащ снимешь?

Каэль снял мешок, но плащ оставил.

— Мне ненадолго.

Она кивнула слишком быстро.

— Тогда садись. Куда удобно.

Он выбрал стул ближе к выходу. Ли́ра переставила с него сложенную ткань, потом убрала стоявшую рядом корзину, освобождая проход. Сама села не напротив, а у края стола, чуть в стороне.

Каэль поставил мешок возле ноги.

Некоторое время она просто смотрела на него. Он выдерживал взгляд, хотя гораздо легче было бы отвечать на вопросы.

— Ты худой, — сказала Лира наконец.

Он опустил глаза на себя.

— Нет.

— Конечно. Ты теперь большой. Я неправильно сказала.

Она поправила край скатерти, затем сжала его в руке, заметив, что продолжает поправлять.

— Ты ел?

— Утром.

Лира встала.

— У меня почти готово.

Он хотел отказаться, но она уже сняла крышку с печного горшка. В комнату пошёл запах густого бульона, лука и той же горьковатой травы. Каэль почувствовал голод.

На полке стояли разные чашки. Лира потянулась к верхней, синей, остановилась и взяла другую — простую, коричневую. Поставила перед ним вместе с водой.

Каэль посмотрел на синюю. У неё была сколота часть ручки.

— Можно эту?

Лира обернулась.

Он указал.

Она достала чашку обеими руками и подала ему. На глазури возле края светлела тонкая сеть трещин.

— Ты помнишь?

Каэль не знал, почему попросил её. Возможно, потому что она первой бросилась в глаза.

— Нет. Просто...

Он не нашёл окончания.

Лира взяла коричневую чашку и отнесла обратно.

— У этой ручка острая. Держи за стенку.

Она говорила о чашке. Каэль повертел её в руках, отыскивая острый край.

Пока она раскладывала еду, Каэль смотрел на комнату. Вдоль дверной рамы шли короткие зарубки. Самая нижняя была почти у его колена, верхняя — чуть выше пояса. Рядом темнели цифры, нанесённые тонкой кистью. Одна черта выходила дальше остальных и была исправлена.

Лира заметила его взгляд.

— Ты встал на носки. Я не сразу увидела.

Она поставила на стол миску.

— Сказал, что вырос за ночь.

Каэль не улыбнулся вовремя. Лира отвернулась к печи.

Он взял ложку.

Еда была горячей. В бульоне лежали небольшие куски мяса, крупа и мягкие корни. Каэль попробовал, подождал и зачерпнул ещё. Лира села рядом со своей миской, но не ела.

— Гиан сказал тебе? — спросил он.

— Что?

— Что я ничего не помню.

Она опустила взгляд к его кристаллу, проступавшему под рубахой.

— Он не успел.

— Я не узнаю дом. Тебя тоже.

Лира провела большим пальцем по краю ложки.

— Понимаю.

— Я говорю это, чтобы...

Он остановился. Чтобы она не ждала? Уже ждала. Чтобы не касалась? Он не хотел повторять это вслух. Чтобы не смотрела так, будто любое движение могло всё вернуть?

— Я услышала, — сказала Лира. — Ешь, пока горячее.

Она тоже начала есть. От этого разговор стал возможным: теперь ему не нужно было всё время смотреть на её лицо.

— Гиан сказал, ты писала.

Ложка в её руке остановилась.

— Да.

— Мне ничего не передавали.

Лира кивнула.

— Первые письма возвращали. Потом перестали возвращать. Я думала, хотя бы доходят.

— Что отвечали?

— Что служба не предусматривает частной переписки. Что сообщение принято. Что запрос рассматривается.

Она назвала ответы без выражения. Видимо, читала их достаточно часто, чтобы запомнить дословно.

Каэль попробовал вспомнить, видел ли когда-нибудь конверты на своё имя. Поручения, вызовы, донесения. Ни одного письма, которое не требовало действия.

— Можно посмотреть?

— Можно. Только не сейчас.

Он поднял голову.

Лира чуть отодвинула миску.

— Я достану. Соберу по порядку. Они в разных местах.

Каэль хотел сказать, что порядок неважен, но увидел её руки. Пальцы сжимали ложку так крепко, что побелели суставы.

— Хорошо.

Она выдохнула.

За окном кто-то стучал по ведру, выбивая со дна засохшую землю. Два коротких удара, потом длинный скрежет. Лира поморщилась.

— Каждый раз так делает. Можно же замочить.

Каэль посмотрел в окно. На соседнем дворе пожилой мужчина с упорством бил палкой по перевёрнутому ведру.

— Обод погнёт, — сказал Каэль.

— Уже погнул. Три раза приносил править.

Она сказала это сердито, потом встретила с ним глазами и неожиданно улыбнулась. На короткое мгновение он увидел, как могло выглядеть её лицо без всех этих лет ожидания.

Каэль опустил взгляд, но напряжение немного отпустило.

— Ты чинишь?

— Иногда. Ткань чаще. А он считает, что если умеешь держать иглу, то и с железом разберёшься.

Лира подвинула ему хлеб.

— Что-то починить проще, чем объяснить, почему не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.